

Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями
Санкт – Петербургское государственное учреждение
«Центр оздоровления и отдыха «Молодежный»

Академия вожатского
мастерства

Сборник методических материалов
(сказки, легенды и притчи) в помощь вожатому

*«Сказка, рассказанная на ночь,
или о чем поговорить
на вечернем отрядном «огоньке»*

Санкт – Петербург
2007 г

Содержание

Вступительная статья

Глава 1. Шпаргалка: Что такое вечерний отрядный «огонек»

Глава 2. Сказки и притчи для проведения тематических огоньков по проблемам:

* Пример работы со сказкой

* Вечные вопросы: смысл жизни, судьба, счастье

* Человеческие пороки и добродетели

* Доброта и милосердие к людям

* Проблема доверия

* Проблема самооценки

* «Любовь, что движет солнце и светила...»

Приложение 1. Легенды к игре

Приложение 2. Медитативная сказка для засыпания

Приложение 3. Приемы сочинения сказок

Список использованной литературы

Вступительная статья

«А зря никто не верил в чудеса...
Но вот однажды, летним утром рано,
Над злой Каперной алые взметнулись паруса
И скрипка разнеслась над океаном».
«Алые паруса» слова и музыка В. Ланцберга

Уважаемые коллеги!

Вот и закончился важный этап в вашей жизни — вы успешно завершили обучение в «Академии вожатского мастерства». Теперь предстоит самое трудное — выдержать испытание на профессиональную пригодность — Лето, Оздоровительный Лагерь, Дети. Сколько страниц исписано правильными мыслями о важности летнего каникулярного отдыха в условиях оздоровительного лагеря для укрепления физического здоровья ребенка! Но ведь оздоровление имеет и психологический аспект. Душа каждого ребенка исстрадалась по Добру и Красоте, чуткому слову, летящему от сердца взрослого к сердцу ребенка. Лето — это маленькая жизнь, наполненная романтикой первой любви, чудесами в межличностных отношениях, волшебством творческих побед, магическим очарованием белой ночи, звездного неба и песен под гитару у костра. Педагогика проживания, ситуативная педагогика — это мастерство, которым должен овладеть вожатый. Для каждого ребенка жизненный опыт, полученный в оздоровительном лагере в уникальных условиях, должен быть осмыслен. В старые добрые времена для передачи жизненного опыта от поколения к поколению бабуши и дедушки (предки, носители этого опыта) рассказывали внукам сказки. В арсенале вожатого должна быть масса историй, Волшебная Книга, где есть ответы на все вопросы, и уж если не готовые ответы, то обязательно подсказка. Вот такую Волшебную Книгу мы и предлагаем вашему вниманию. Это сборник притч, легенд и авторских сказок. Вожатый должен выступить в роли Мудреца и Доброго Волшебника, Феи — крестной или Волшебной палочки.

Наверное, нет человека, который бы не любил сказки. Даже в нашем урбанизированном мире, перегруженном информацией и стрессами, Душа просит Сказки. Те из нас, кто не заинтересован классическими вариантами сказочных историй, смотрят боевики, фильмы ужасов, читают детективы, любовные романы и фэнтези. Но что же это, если не современные сказки?!

Людям свойственно обмениваться историями. Для того, чтобы их рассказать и послушать, мы собираемся за праздничным столом, смотрим шоу по телевизору и читаем книги. Обмен историями, как и обмен жизненным опытом — естественная форма взаимодействия между людьми. В обычаях, сказках, мифах и легендах описаны основы безопасной и созидательной жизни. Сказка, легенда и притча хотят научить нас жизни, но что бы это не было скучно, предлагают нам увлекательные истории, написанные с использованием метафоры. Эти истории тактичны и деликатны, они не учат, а поучают: «сказка — ложь, да в ней намек, добру молодцу урок».

В этих историях можно найти полный перечень человеческих проблем и образные способы их решения. Слушая их, ребенок бессознательно накапливает некий символический банк жизненных ситуаций. Сокровища этого банка могут быть активизированы в случае необходимости.

Почему мы решили, что самое удобно время для обращения к этим историям — это вечерний отрядный «огонек»? «Огонек» — это уникальная форма педагогического воздействия, а точнее взаимодействия между взрослым человеком и воспитанником. А ещё это самая романтическая форма педагогики проживания в оздоровительном лагере — Душа

замерла в ожидании Чуда. Вечер ... Ушли дневные заботы, дети и взрослые в одном кругу, плечом к плечу, а в центре круга — трепещущее пламя свечи. Дети и взрослые равноправны, замерли в ожидании задушевного, откровенного разговора, в котором они — чуткие и доброжелательные собеседники. Разговор ни о чем губит душу, слова же, обращенные к внутреннему миру каждого, питают душу Добром и Красотой, возвращают ей Внутреннюю Гармонию.

Не используйте терминологию, не говорите детям, что проводите с ними сеанс сказкотерапии. Просто и ясно, выверяя интонацию собственного голоса (он у каждого из нас является музыкальным инструментом души) сообщите, что хотите поведать им историю, которая взволновала вас. Прочтите или расскажите историю, пусть ребята, если будет на то их желание, помогут вам в этом. А затем обсудите, её и пусть не будет одинаковых точек зрения, пусть кто-то сделает вывод вслух, а кто — то про себя, а кто — то останется с вопросом внутри и станет искать на него ответ. И это самое замечательное, потому что и с ними, и с вами обязательно произойдет Чудо: «Сказки позабыты, сказки устарели, но В сказку никогда не поздно распахнуть окно.

Только вы аршином мир не мерьте,
Только вы поверьте, только вы поверьте,
В то, во что не верите давно».
«Чудо», слова и музыка В. Егорова

И сотворите это Чудо вы сами, потому что Волшебство — это созидательная энергия человека с добрым сердцем, чистой душой и ясным разумом.

От всего сердца желаем, что бы эта книга помогла вам в реализации ваших идей и творческих начинаний!

Пусть она подтолкнет вас к написанию собственных сказок и завлечет в Мир Детства — королевство Игры, Мечты и Фантазии!

В добрый путь!

Авторский коллектив.

1 глава

*Шпаргалка:
Что такое вечерний отрядный огонек*

ШПАРГАЛКА: Что такое вечерний отрядный «огонек»

В организации вечерних «огоньков» очень важно, чтобы с первых дней пребывания в лагере «огонек» был не формальным местом, а местом душевного общения. Поэтому важно не путать «огонек» с массовой, вечеринкой, с тем, что мы называем развлечением. Это не означает того, что на «огоньке» нет песен, веселых историй и иронической шутки. Особое искусство — создавать теплое вечернее душевное общение, которое организуется педагогом в ходе совместной деятельности детского коллектива, становится содержанием образования, подростки усваивают особый ритм и особую атмосферу общения. Основная задача организации «огоньков» - рефлексия коллективной совместной деятельности, умение распределить в коллективе содержание и объем работы, вступать в партнерские отношения. «Огонек» является важным средством формирования личности, самооценки подростка, его отношения к сверстникам и старшим. Каждый этап становления детского коллектива имеет свои особенности, связанные с динамикой разворачивания совместной деятельности. Поэтому «огоньки», организуемые на каждом из этапов, имеют свои организующие и воспитательные функции.

«Огонек» – особая форма общения, позволяющая каждому участнику высказаться, понять других, проанализировать день, ситуацию, раскрыть себя с необычной стороны, научиться понимать других людей, слушать и слышать.

Условия, необходимые для проведения «огонька»:

- «огонек» готовится вожатым (иногда с привлечением ребят отряда или работников лагеря)
- тема «огонька» актуальна для большинства участников;
- участники удобно устроены в кругу;
- наличие живого огня (в центре круга), наличие талисмана отряда (предмет, приятный на ощупь);
- необходимый эмоциональный настрой;
- поддержание доброй атмосферы; нужно избегать повышенного тона;
 - ведущему нужно следить за выражением своего лица, интонацией и т.д.;
 - правило свободного микрофона;
 - возможно наличие своих традиций «огонька».

Классификация «огоньков»

1. организационный период:

- «огонек» знакомства
- «огонек» знакомства с законами и традициями лагеря
- «огонек» анализа первых дней смены

2. основной период

- «огонек» анализа дня
- «огонек» анализа дела
- конфликтный «огонек» или «огонек» - откровенный разговор
- тематический «огонек»

3. итоговый период

- «огонек» подведения итогов смены
- «огонек» прощания

«Огонек» в организационный период

Задача — воспитывать у подростков потребность в общении, в рефлексии совместной деятельности.

В первые дни «огоньки» могут быть достаточно продолжительными, но незатянутыми: 40-60 мин в зависимости от возраста. Желательно, чтобы на «огонек» собрались все ребята, но никакого принуждения не должно быть. Несмотря на продолжительность

«огонька», основное содержание – рефлексия дня — не должно длиться более 15-25 мин. Вожатый рассказывает об истории лагеря (рассказ должен быть непринужденным, неформальным, лично-окрашенным, хорошо, если в рассказе будут какие-то воспоминания, шутки, рассказ о природных и географических, исторических особенностях месторасположения лагеря), поет вечерние песни. Если в отряде старших подростков есть ребята, умеющие играть на гитаре или знающие хорошие «тихие» песни, то гитара и право «запева» передаются по кругу. У вожатого, конечно, должно быть очень много «заготовок» для вечернего «огонька». Сценарий здесь не имеет формальной линейной конструкции, а «сюжеты» «огонька» варьируются в зависимости от общего настроения и разговора. Самое главное — это «разбудить» у детей потребность в непринужденном общении.

Предлагается уже с первых дней «вводить» основные правила проведения «огонька»:

1. Если хочешь сказать, не выкрикивай с места, а дождись паузы и подними руку или попроси слово.
2. Учись внимательно слушать, дай выговориться другому, не перебивай говорящего.
3. Критикуй не с целью «уципнуть», а с целью помочь, посоветовать.
4. Критика должна быть конструктивной: критикуешь – предлагай.
5. Правило «свободного микрофона»: никого нельзя заставлять выступать на «огоньке» или запретить кому-то говорить.
6. На «огоньке» говорят откровенно о том, что думают и что волнует.
7. Береги время, дай возможность высказаться другому.
8. Говори не о себе, а о деле: не занимайся саморекламой.

Очень важно, чтобы каждый смог высказаться. С первых дней ребята должны не оценивать работу другого (взрослого, другого коллектива), а говорить о том, что с их точки зрения, стоило бы изменить и что они конкретно предлагают.

Еще одна педагогическая ошибка — длинная речь вожатого в анализе дня, в которой он поучает всех остальных.

Первые «огоньки» могут различаться по форме организации.

Пример: «Огонек» «Расскажи мне о себе» завершает первый этап в формировании начального уровня общения в отряде. Ребята должны заранее знать, на какой день намечен «огонек», о чем предстоит разговор. Задача: углубить знакомство ребят друг с другом, сформировать доброжелательные отношения к каждому члену отряда. При проведении «огонька» необходимо создать необычную обстановку. Например: ребята идут на «огонек» особой тропой, не лишенной «опасностей», а поэтому мальчики помогают девочкам. При рассадке вожатый обращает внимание на то, чтобы места были для каждого удобны, и чтобы каждого было видно всему отряду. Самая лучшая форма рассадки — круг. Если в отряде два вожатых и пришли взрослые — друзья отряда, то очень важно, чтобы «места» взрослых разбивали круг на равные части. Это важно, чтобы внимание не сосредоточивалось только на взрослых, а также потому, что взрослые задают свой образец общения.

Схема проведения «огонька»: настрой (вечерние песни у костра); небольшое вступительное слово ведущего (один из вожатых отряда), в котором он в непринужденной форме говорит о начале смены («Мы вам рады», «Мы вновь рады встретиться вместе»), о задачах и традициях «огонька» «Расскажи мне о себе». По традиции каждый рассказывает о себе – о том, чем он любит заниматься, какие люди ему нравятся, что он ждет от этой смены; поскольку все мы члены одного отряда, то сегодня должен высказаться каждый. Очередность нашего разговора будет соблюдаться с помощью символа — пера, уголька от костра прошлого отряда и т.п. (важно, чтобы предмет был не слишком ярким, не отвлекал внимание). Разговор о себе начинается второй вожатый: рассказывая о себе, он дает схему рассказа (имя, чем занимается, хобби и т.п.), затем передает по часовой стрелке символ, и рассказ продолжает уже ребенок, затем

рассказы детей идут по кругу; примерно через каждые 15-20 мин вожатый вставляет паузы, чтобы разговор не был монотонным, — это вечерние песни, стихи и рассказы ребят из прошлых смен, торжественное вручение наказа (он зачитывается). Чтобы ребята не засиделись в одной позе, можно придумать в середине «огонька» ввести какой-то сюжет с движениями, но такими, которые не нарушали бы общего настроения на вечерний «огонек»; завершается «огонек» словами вожатого, в котором он высказывает надежду, рисует оптимистическую перспективу этой смены, завершается разговор общей песней в «Орлятском» круге.

«Огонек» в основной период

Задача: рефлексия деятельности отряда. Обычная продолжительность небольшая – 15 – 20 мин. В ситуациях кризиса в развитии детского коллектива и конфликтов «огонек» может быть более продолжительным. Важно, чтобы сбор на «огонек» всегда был неформальным. Так, в своей работе важно использовать различные формы сбора: вожатый на месте проведения «огоньков» затевает какой-то рассказ с детьми. Тема может быть самой необычной — о цветопсихологии, о стихах, легендах, случаях, рассказ о киногерое или о книге — все это может стать темой рассказа, переходящего в беседу. Или с небольшой группой поют песни, или вожатый зачитывает какой-то отрывок из книги (особенно в отрядах младших подростков).

Непринужденный разговор должен перейти в общую беседу. Очень важно уметь найти плавный переход от рассказа и песни к анализу дня. Стандартные и формальные формы организации вечернего общения очень часто вызывают у подростков пренебрежение, если же общение будет всегда необычным и непринужденным, то такое общение станет потребностью всех членов отряда.

«Огонек» — анализ дела

Задача: научить ребят, видеть причины удач и неудач в организации какого — либо дела, привить навыки анализа совместной деятельности.

Схема анализа: высказывание отношения к делу (фиксация эмоций); обсуждение целей и задач дела, степени их достижения; качество подготовки к делу; качество соорганизации; что не получилось — причины этого; предложения о том, как исправить ситуацию к лучшему.

Очень важно, чтобы вожатый не занимал в разговоре активную позицию, а сам был бы равнозначным участником разговора. Тем не менее, он опосредованно управляет разговором через вопросы.

Примерные вопросы для анализа.

По содержанию:

1. Что нового, полезного ты открыл для себя?
2. Какая интересная проблема, тема привлекла особо твое внимание?
3. Над какими качествами своего характера (поведения) проведенное дело побудило тебя задуматься?
4. Помогло ли это дело стать тебе лучше?
5. Помогло ли это нашему коллективу стать лучше?
6. Кто из ребят для тебя раскрылся по-новому, что нового вы узнали друг о друге?
7. Как выглядел твой отряд на фоне других?
8. С какими отрядами удалось подружиться?

По организации:

1. Чем отличалась подготовка к делу, как смогли сорганизоваться члены отряда при подготовке и организации дела?
2. Какие организационные навыки, умения ты получил при подготовки дела и его проведении?
3. Каково значение этого дела для отряда?
4. Как необходимо организовать работу, чтобы избежать ошибок в будущем? и т.п.

Обязательно подвести итоги. Если на первых «огоньках» анализ может сделать вожатый, то в последующем это лучше делать лидеру или ответственному за дело.

Тематический «огонек»

Данный вид «огонька» представляет собой разговор на определенную тему и характеризуется некоторой отвлеченностью, философским или публицистическим содержанием. Основу тематического «огонька» составляют технологии диспута, беседы, дискуссии.

Задача: организация разговора по актуальной для отряда теме.

Образовательный потенциал тематического «огонька» огромен, поскольку он способствует:

- более глубокому осмыслению подростками имеющихся знаний и жизненного опыта;
- формированию ценностного отношения к предмету обсуждения, уважительного отношения к мнению собеседника;
- формированию мировоззрения, жизненной позиции человека;
- развитию взаимопонимания между членами группы (коллектива);
- развитию умения формулировать мысли, публично высказывать собственные суждения, вести коллективный поиск истины

Примерная тематика:

1. «Мои любимые строки...» (поэтический).
2. «Музыка вокруг нас» (музыкальный).
3. О любви
4. О дружбе
5. «Белая ворона» (огонек с элементами диспута) и т.п.

Тематический «огонек» является отрядным делом, и к нему готовятся предварительно.

Вожатые предлагают тему и предлагают каждому подготовиться к общему разговору, инициативным группам предлагается подготовить отдельные сюжеты «огонька». **В тематическом «огоньке» должно быть обязательно:**

1. разносторонние обсуждения темы, проблемы;
2. создание условий для активного высказывания идей, суждений;
3. соблюдение всеми участниками корректности ведения разговора.

В главе № 2 этого сборника собран материал для проведения различных тематических «огоньков»

«Огонек» в итоговый период

«Расскажи мне обо мне»

Задача: подвести итог жизни отряда, какое влияние отряд оказал на каждого члена коллектива. Этот «огонек» является очень важным в формировании самопознания и самооценки. Схема проведения «огонька» такая же, но теперь говорит не тот, кто держит символ круга, а о нем говорят члены коллектива. Завершить такой разговор можно необычным совместным действием: расставить свечки в сумерках на большой поляне, смастерить и отправить в плавание кораблики с зажженными свечами (романтическое завершение смены более интересно старшим подросткам), нарядить дерево или ель и устроить импровизированный концерт (веселое завершение смены — для младших подростков).

«Огоньки» знакомства:

Рассказ — эстафета

Передача талисмана по кругу. Говорит тот, у кого талисман в руке, затем передается соседу.

Выговаривается вся группа, но на первых огоньках обычно говорят не все. Заставлять не надо, постепенно все включаются в беседу.

Памятный день Рассказывая о себе, ребенок вспоминает самый яркий день в своей жизни. Это огонек-тест. Проходит более ярко, эмоционально, чем рассказ-эстафета.

Пакет откровений Наличие необычно оформленного конверта с необычными вопросами. Раскрытие личности с необычной стороны. Проверка на неординарность мышления ребенка при ответе на вопросы.

Пакет откровений Наличие необычно оформленного конверта с необычными вопросами. Раскрытие личности с необычной стороны. Проверка на неординарность мышления ребенка при ответе на вопросы.

Гороскоп Дети распределяются по группам - знакам зодиака. Перед высказыванием - краткая характеристика знака. Необычная характеристика детей, форма запоминания личности через выделение необычных качеств. Можно сравнивать по сезонам года, цвету глаз, цвету волос, размеру ноги и т.д.

Музей любимых вещей Рассказ не о себе, а о предмете, характеризующим хозяина и демонстрируемому на огоньке. Развитие абстрактно-образного мышления, фиксация ассоциативного внимания ребенка, возможность ребенка показать себя с неожиданной стороны.

Огоньки — откровения (конфликтные)

Письмо другу Участники огонька устно «пишут» письмо другу, родным. (Принцип дневника). Переключение внимания с себя на окружающих, потребность в других людях, в их сочувствии.

Я не понимаю Бессистемное расположение участников огонька в помещении. Каждый участник имеет право подойти к любому другому участнику огонька с вопросом. “Я не понимаю, почему..?” Предъявление требований с позиции глубокого проникновения в мировоззрение другого человека, налаживание контактов

Разговор в темноте Матрац - холл. Полная темнота, дети в расслабленном состоянии. Эффект разгрузки отрицательных эмоций, выход детей на самостоятельное решение проблем, возникающих в отряде.

Разговор с игрушкой Каждый участник огонька рассказывает свои проблемы игрушке (лучше мягкой). По принципу «письмо другу», но плюс тактильный (телесный) контакт.

Разговор с попутчиком Ситуация: закончилась смена, нужно рассказать попутчику о происходящем в лагере. Снятие отрицательных эмоций, полученных в лагере и закрепление положительных

Круг молчания — 1 Все сидят в кругу спиной к центру. Говорящий разворачивается лицом к центру. Остальным говорить строго запрещено, т.е. говорят только желающие высказаться (они постепенно поворачиваются в круг, втягиваясь в беседу). Тема должна сильно затрагивать всех участников. Напряженность внимания, обстановка провоцируют эмоциональный всплеск и снятие личного эмоционального напряжения, снятие конфликта.

Круг молчания — 2 Все сидят в помещении вдоль стен. Желающий сказать выходит и садится в круг. В обоих огоньках “Круг молчания” создается элитарность говорящих, в число которых втягивается остальная часть отряда.

Наедине с собой Говорящий выходит в круг, к свече. Путем использования свечи достигается эффект концентрации внимания участников и эффект одиночества, откровенности.

Разговор со свечой Создается ситуация, в которой человек вслух может высказать мысли, «скребущие душу», «крик души». Внимание акцентировано на проблеме в отряде. **ВНИМАНИЕ!** После выхода из конфликта хорошо **провести** тренинг на общение, выводящий эмоции детей на положительный уровень (*проводит только психолог!*)

Свечка (анализ дня)

а) (первый этап) Рассказ-эстафета с передачей талисмана по кругу. Высказывается каждый член отряда. Этот способ заставляет задуматься над проблемой каждого, но принцип добровольности сохраняется.

б) (второй этап) Обсуждение ведется по микрогруппам (3-7; 5-10 человек), после чего выступает один представитель от микрогруппы на общий круг (который решает общие вопросы). Наиболее активное участие каждого члена микрогруппы в обсуждении. Наиболее продуктивная работа по анализу, выведение лидеров в режим явного лидерования в микрогруппе.

в) (третий этап) Свободный микрофон. Высказывается по очереди каждый желающий в свободном режиме (по вопросам). Быстрый эмоциональный анализ дня и ситуации. Появляется возможность для самореализации ребенка, его укрепление в отряде, как личности; имеется возможность диалога.

Цепочка (анализ этапа смены) Один участник говорит 2-3 фразы, связанные со своими впечатлениями о проведенном этапе смены, рядом сидящий продолжает разговор. Игровая форма проведения огонька, для получения большого количества информации; кратковременного проведения.

Финальные огоньки

Отряд для меня (финал смены) Каждый участник огонька отвечает на вопрос «Чем стал отряд для меня за эту смену?». Осмысление прожитого за смену. Закрепление у детей умения отыскивать для себя наиболее удобные формы жизни.

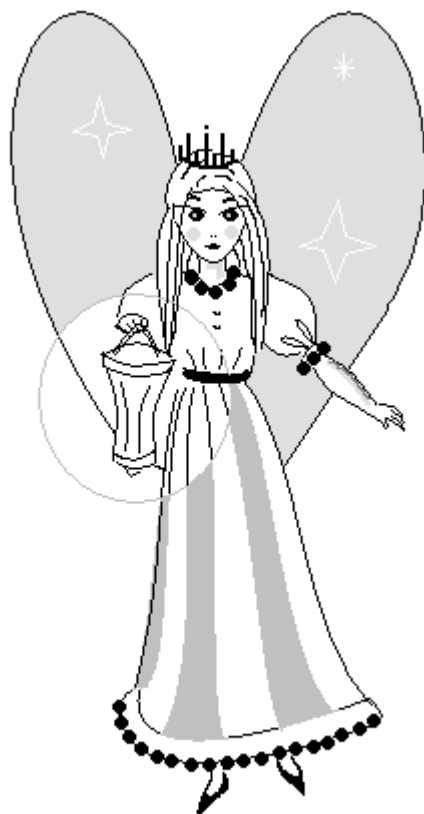
Живой уголек Самый последний разговор В руках говорящего свеча (учитывать возраст детей) — “живой уголек”. Высказываются последние пожелания и “живой уголек” передается тому, кому очень хочется передать. Дополняется традициями прощания. Ведет к снятию эмоционального напряжения, связанного с прощанием, позволяет сделать наиболее мягким момент расставания. (Вожатый должен проследить, чтобы ни кто не остался в стороне)

Глава 2.

Сказки и притчи

для проведения тематических

огоньков по проблемам

ПРИМЕР РАБОТЫ СО СКАЗКОЙ

Детям в возрасте до 10 лет мы можем читать любые «волшебные» сказки для развития эмоциональной чуткости, душа ребенка «впитывает» сказочные сюжеты и не требует обсуждения сказки.

С подростками и старшими детьми сказки и легенды обсуждать следует на «огоньках» по проблемным ситуациям, возникающим в жизни отряда. Сказки и легенды подходят также для проведения индивидуальной беседы или как начало коллективного творческого дела (КТД) или игры.

Талисман (Г.Х. Андерсен)

Принц с принцессой праздновали еще свой медовый месяц. Счастливы они были чрезвычайно, и только одна мысль не давала им покоя: им очень хотелось знать, будут ли они также счастливы всю свою жизнь? Поэтому и стали они мечтать о талисмане, который оградил бы их от всяческого недовольства в супружестве. А были они очень наслышаны об одном человеке; жил этот человек в лесу, и все уважали его за мудрость. В любой беде и во всяком затруднении мог он дать дельный совет. Отправились к этому мудрецу принц с принцессой и рассказали ему обо всем, что у них было на душе. Выслушал их мудрец и сказал:

— Ступайте странствовать по белу свету, и как встретятся вам счастливые и всем довольные муж с женой, попросите у них лоскуток исподнего, а как раздобудете такой лоскуток, носите его всегда как талисман. Это средство испытанное.

Сели принц с принцессой на коней и отправились в путь; вскоре услышали они от людей об одном знатном рыцаре, который будто бы жил со своей женой счастливее всех других. Поехали они к нему в замок и стали сами супругов расспрашивать, правда ли они так довольны своей жизнью, как говорит про то молва.

— Все правда, — ответили те, — одно только горе: детей у нас нет!

Стало быть, здесь искать талисман было нечего, и пришлось принцу с принцессой отправиться дальше на поиски счастливых и всем довольных супругов.

И вот приехали они в город, где, по слухам, был один честный горожанин, который жил со своей женой в мире, любви да согласии. К нему-то они и пошли и точно также спросили, правда ли он так счастлив в браке, как о том рассказывают.

— Да, уж что правда, то правда! — ответил муж. — Живем мы с женой душа в душу, вот только детей у нас многовато, а с ними много у нас и забот и горя!

Стало быть, и у него искать талисман было нечего, и принц с принцессой отправились дальше, расспрашивая повсюду, не слыхал ли кто про счастливых и довольных супругов. Но такие все не объявлялись.

Однажды, едучи полями и лугами, увидали они неподалеку от дороги пастуха, который весело играл на свирели. И видят, что к пастуху идет женщина с грудным младенцем; другого ребенка, мальчика, она ведет за руку. Как только пастух заметил женщину, он пошел к ней навстречу, поздоровался, взял малютку и стал целовать и ласкать его. А собака пастуха, прыгая и лая от радости, подбежала к мальчику и лизнула ему ручонку. Меж тем жена пастуха достала глиняный горшок, который принесла с собой, и сказала:

— Иди-ка, отец, поешь.

Муж сел на землю и принялся за еду, но первый кусок он отдал малютке, а второй разделил с мальчиком и собакой. Все это видели и слышали принц с принцессой. Подошли они поближе и заговорили с мужем и женой:

— Уж вы-то, наверное, самые что ни есть счастливые и довольные супруги?

— Да, уж что правда, то правда, — ответил муж. — Слава богу. На свете нет ни одного принца с принцессой счастливее нас.

— Знаете что, — сказал тогда принц, — помогите нам, вы об этом не пожалеете! Дайте нам по лоскуточку от рубашки, которую вы носите на теле!

При этих словах пастух с женой как-то чудно переглянулись. А пастух сказал:

— Видит бог, мы бы рады дать вам не то что по лоскутку, но и целую сорочку, будь она у нас. Но у нас и тряпки-то никакой в доме нет.

Пришлось принцу с принцессой отправиться дальше не солоно хлебавши. Под конец долгие напрасные скитания им наскучили, и они повернули домой. Когда принц с принцессой проезжали мимо хижины мудреца, они упрекнули его за то, что он дал им такой плохой совет, и рассказали про свое путешествие.

Улыбнулся на это мудрец и сказал:

— Неужто вы и вовсе понапрасну съездили? Разве не вернулись вы домой умудренные опытом?

— Да,— ответил принц, — я узнал, что счастье и довольство своей судьбой — редкий дар на этом свете!

— А я, — сказала принцесса, — поняла: чтобы быть счастливым, нужно просто быть довольным своей судьбой, и все!

Протянул тут принц принцессе руки, и поглядели они друг на друга с такой нежной любовью! Благословил их мудрец и сказал:

— В вашем собственном сердце отыскали вы истинный талисман! Храните его бережно, и тогда злой дух неудовлетворенности никогда не овладеет вами.

Вопросы для размышления, задания:

- Зачем принцу и принцессе нужен был талисман, ведь они и так были счастливы?

- Какой должна быть, по- вашему, счастливая семья?

- Почему самая счастливая семья оказалась бедной? Как они могли быть счастливы, не имея достаточно денег?

- Что означает «быть довольным своей судьбой»? Какой человек доволен своей судьбой, а какой нет?

- Что нужно делать и как жить, что бы быть довольным своей судьбой?

- Какой талисман нужен каждому из вас? Сделайте себе талисман из глины, камешка, кожи и других материалов.

- Какой талисман нужен вашему близкому человеку? Сделайте талисман для близкого человека

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ: СМЫСЛ ЖИЗНИ, СУДЬБА, СЧАСТЬЕ

Чайник

Чайник был-таки горденек; он гордился и фарфором своим, и длинным носиком, и широкой ручкою — всем. У него была приставка и спереди, и сзади; спереди — носик, сзади — ручка; об этом-то он и говорил. О том же, что крышка у него была разбита и склеена, — молчал. Это ведь недостаток, а кто же любит говорить о своих недостатках, — это и другие сделают. Чашки, сливочник, сахарница, словом весь чайный прибор, конечно, больше помнили и охотнее говорили о недостатке чайника, нежели о его прекрасной ручке и о великолепном носике.

Чайник знал это. — «Знаю я их! — рассуждал он сам с собою. — Знаю и сознаю свой недостаток — я скромн, смиренен! Недостатки у всех у нас есть, но у каждого есть зато и свои преимущества. У чашек есть ручка, у сахарницы крышка, а у меня и то и другое, да еще кое-что сверх того, чего у них никогда не будет, — носик. Благодаря ему я — король всего чайного стола! Сахарнице и сливочнику тоже выпало на долю усладить вкус, но я — главный; я утоляю жажду людей; во мне кипящая безвкусная вода перерабатывается в китайский ароматный напиток!»

Все это говорил чайник в пору беспечальной юности. Тогда он стоял на накрытом столе; чай разливала тонкая, изящная ручка. Но неловка она была: чайник выскользнул из нее, упал, и — носика как не бывало, ручки тоже, о крышке же и говорить нечего, — о ней сказано уже довольно. Калека чайник без чувств лежал на полу, горячая вода бежала из него ручьем. Ему был нанесен тяжелый удар, и тяжелее всего было то, что смеялись-то не над неловкою рукою, а над ним.

«Этого мне никогда не забыть! — говорил чайник, рассказывая впоследствии свою биографию самому себе. — Меня прозвали калекою, ткнули куда-то в угол, а на другой день подарили женщине, получавшей обыкновенно остатки со стола. Пришлось мне попасть в бедную обстановку, стоять без пользы, без всякой цели — и внутренней, и внешней. Но вот стоял я, стоял, и вдруг для меня началась новая, лучшая жизнь. Да, бываешь тем, а становишься совсем иным. Меня набили землею — для чайника это то же, что быть зарытым в землю, но в эту землю посадили цветочную луковицу. Кто посадил, кто подарил ее мне, не знаю, но она была дана мне взамен китайской травки, взамен кипятка, взамен отбитых ручки и носика. Луковица лежала в земле, лежала во мне, стала моим сердцем, моим живым сердцем, какого прежде во мне никогда не бывало. И во мне зародилась жизнь, закипели силы, забился пульс; луковица пустила ростки; она готова была лопнуть от избытка мыслей и чувств. Они и вылились в цветке! Я любовался на него, я держал его в своих объятиях, я забывал себя самого ради его красоты. Какое блаженство забывать себя самого ради других! Цветок даже не сказал мне за то спасибо, он и не думал обо мне, — ему все удивлялись, им все восхищались, и если я был так рад этому, то как же должен был радоваться он сам? Но вот однажды я услышал слова: «Такой цветок достоин лучшего горшка!» Меня разбили... Ужасно было больно! Зато цветок пересадили в лучший горшок! Меня же выбросили на двор, и я теперь валяюсь там, как старый черепок, но воспоминаний моих у меня никто не отнимет!»

Дни настоящей жизни

Один человек искал идеальное место. Искал он долго. И вот в далёкой стране нашел он место, где ему было хорошо. Он бродил по городу, который ему так понравился, и смотрел вокруг. Но когда он забрел на кладбище, он ужаснулся. На всех надгробиях даты смерти указывали, что эти люди жили два-три года с точностью прожитых часов.

В страхе человек побежал вон из города, но на площади столкнулся со стариком. В ужасе человек закричал:

— Вы чудовища! Вы убиваете ваших детей?

Старик показал ему книжечку, которая висела у него на шее на цепочке, и сказал:

— Когда ребенок у нас достигает зрелости, мы даем ему такую книжку. И каждое мгновение, каждую минуту или час настоящего счастья в нашей жизни каждый из нас заносит в эту книгу. После смерти все эти мгновения мы складываем. И это — настоящие дни нашей жизни.

Дорога

Однажды в горах встретились два человека. Один был Странник. Станными были его поступки, и вся жизнь его была странной. Он жил, сам не зная зачем, бродил по свету, не выбирая дороги, прислушиваясь лишь к собственному сердцу. Но пожалуй, самой необычной была его способность увлекать за собой в скитания все то, что ему нравилось. Стоило ему прикоснуться к какой-либо вещи, как она обретала способность к движению и начинала странствовать. И вот часто в самых глухих дебрях Странник неожиданно мог встретить дом под черепичной крышей, в котором он когда-то останавливался на ночлег далеко от этих мест. Или в пустыне он вдруг наталкивался на дерево с густой кроной, виденное им где-то в северных краях. Правда, люди не верили в эти чудеса и говорили, что все это являлось Страннику во сне. Но согласитесь, видеть такие сны — не чудо ли? Второй человек был Путник. Он всегда знал цель своих путешествий, и, прежде чем отправиться в дорогу, старательно готовился, долго обдумывая каждую мелочь. У него не было потребности в чуде. Все необходимое он нес в своем мешке. Карта и компас были непременными его спутниками, благодаря чему каждый его шаг был выверен. Он чувствовал себя совершенно независимым, да-да, он был независим и горд. И вот надо же было этим двум столь различным людям встретить друг друга!

Был холодный осенний вечер. Ветер срывал желтые листья с деревьев. Путник с удивлением заметил, что одежда Странника была ветхой и совсем не приспособленной к ночлегу, а за спиной не было вообще никакой поклажи.

— Как ты думаешь провести ночь? — спросил Путник, собираясь разжечь костер.

— Очень просто! — ответил Странник, взглядываясь в сумерки. — Вон там я вижу пещеру, а в ней наверняка есть старинная трубка и душистый табак.

Путник решил, что Странник шутит, но каково же было его изумление, когда, войдя в пещеру, он ощутил едва уловимый запах ароматного табака! Более того, пол пещеры был устлан ковром, а перед очагом стояло красивое кресло старинной работы, украшенное львиными мордами.

— Что за чудеса! — воскликнул Путник. — Или тебе ведомы тайны ворожбы?

— Нет, нет, — рассмеялся Странник. — Просто вещи умеют странствовать не хуже людей, и я часто встречаю в трудную минуту тех, с кем однажды свела меня дорога.

— Поверить в странствующее кресло?... — пробормотал Путник. Наутро он впервые в жизни изменил своему правилу идти только заранее намеченным путем и пошел вслед за Странником в горы.

Долго они странствовали в горах, и всюду их сопровождали чудеса. Но вот Странника потянуло к морю.

— Послушай, ты непоследователен, — сказал Путник. — И на что тебе сдалось море, если горы щедро одаривают нас? Почему ты хочешь изменить им?

— Не знаю, — отвечал Странник улыбаясь. — Мне хотелось побывать в горах, а теперь меня зовет море. Я никому не давал слова хранить верность и свободен идти куда захочу.

Путник совсем не разделял его стремлений, но за время их общих скитаний он успел привязаться к этому чудаку и не мог найти в себе сил расстаться с ним. И вот они пришли к морю, где их, конечно же, ждал старинный корабль — и отправились в синюю даль. Душе Путника открылись иные горизонты.

А потом они снова странствовали по земле, и куда только не приводило их беспокойное сердце Странника! Верный самому себе, Путник следовал за своим приятелем, таща за спиной мешок с поклажей.

Как ни убеждал его Странник идти свободным от лишнего груза, Путник не мог изменить

своему правилу. Конечно, он не пользовался своими вещами, но мешок за спиной давал ему чувствовать свое право на независимость. Он по-прежнему оставался гордым Путником. Странник же решил помочь товарищу. Не мог же он идти налегке, когда его приятель надрывается от ноши. Часть поклажи Путника перекочевала на его спину.

«Ну, что ж, пусть Странник в конце концов почувствует себя хоть за что-то ответственным, — успокаивал себя Путник. — Глядишь, это научит его практической жизни и он станет таким же свободным, как и я».

Увы, эта уступка обошлась им дороже, чем можно было бы думать. Странствующие вещи почти перестали попадаться им на пути, и чудесам пришел конец. А так как Странник и не думал оставлять дорогу, то и ему пришлось носить за собой все то, что составляло Дом.

И вот Путник вконец устал. Красота мест, где они проходили, уже утомила его. Ему представлялся настоящий, основательный Дом. Но он не мог признаться Страннику, что уже устал от дороги. Ведь тогда он перестанет быть Путником и Странник будет вправе покинуть его. А на это он не согласился бы ни за что на свете: в его сердце родилась любовь. И ему нужен был Странник, но не его бесконечные странствия. Цель Путника была достигнута и шла с ним рядом, ему стало нечего искать на дороге.

— Послушай, — обратился Путник к своему неугомонному другу, — ты заставляешь меня страдать.

— Каким образом? — изумился Странник.

— Да разве ты не понимаешь? Ты открыл мне целый мир, которого я дотоле не знал.

Наконец, ты пробудил в моем сердце любовь. И вот теперь я боюсь, что ты бросишь меня, как те вещи, к которым ты прикасался, и, подобно этим вещам, я буду обречен на вечные скитания.

— Может быть, я и давал свободу вещам, — тихо ответил Странник, — но неужели дар обращает даящего в должника?

— Если ты бросил семя, ты обязан взрастить его, — отвечал Путник с неумолимой логикой.

— А ты заронил в мое Сердце любовь...

— Разве любовь исходит из человеческих рук?

— Да, конечно! — твердо сказал Путник.

— Тогда, пожалуй, можно согласиться и с тем, что она превращается в цепи, — прошептал Странник. — Что же я должен сделать, чтобы ты не страдал?

— Дай клятву, что ты будешь любить меня, никогда не покинешь и что мы всегда будем вместе. Я тоже поклянусь в этом, — добавил он.

— Хорошо, — согласился Странник, — но пусть в клятве будет первым то, что нас объединяло, — любовь к дороге.

И они поклялись.

— Послушай, — сказал Путник спустя некоторое время.

Может быть, нам остановиться? Каждое мгновение небо и солнце движутся нам навстречу. Мир меняется с каждой секундой. Чего мы ищем на дороге? Давай научимся видеть эту меняющуюся жизнь вокруг нас. Пусть весь мир странствует мимо нас, и это будет так же, как если бы мы странствовали по миру.

— Мы странствуем не по миру, а вместе с ним, — ответил Странник.

— Я не пойму тебя, — сказал Путник, — но силы мои истошились, и я не могу идти дальше. Помоги мне построить Дом.

И Дом был построен, и Странник хотел идти дальше, но у порога, обернувшись, он увидел Путника. «А клятва любви?» — читалось в его взгляде. И Странник остался...

Прошло некоторое время. Путник был счастлив. Но сердце Странника было исполнено тоской по дороге, и однажды оно остановилось. Долго горевал Путник на могиле своего товарища: «Он умел только странствовать и не смог жить иначе. Я говорил ему о своей любви, а он — о любви к дороге. Но вот я живу без него, а он умер без своей дороги. Каково же то чувство, которым он пожертвовал ради меня, зная, что обрекает себя на смерть?» Но вот как-то случайная причуда подтолкнула Путника к необдуманному поступку. Он

примерил на себя одежду Странника. Она оказалась впору. И вдруг ноги Путника, не выбирая дороги, повели его куда глаза глядят. Он шел и шел вперед. А потом ему стали попадаться странствующие вещи.

Однажды Путник остановился у ручья и в воде увидел, что превратился в Странника. Да-да, в самого настоящего Странника. И только тогда он понял эту странную любовь к дороге. Он понял также, что любовь его друга к нему, Путнику, была следствием той великой любви к странствиям, которая владеет всем миром...

Дворник

В одной небольшой стране был зимний вечер. А в ее самом большом городе падал густой снег.

Все улицы уже были завалены сугробами, но никого это поначалу не беспокоило. И в первую очередь — дворников. Они считали себя обиженными и не собирались работать на весь город.

— Нам слишком мало платят за наш тяжелый труд, — говорили они. — Всех детей, кто плохо учится, устраивают тем, что они пойдут работать в дворники. Никто не смеет с нас что-то требовать, ведь не мы заказываем погоду. Идет снег или не идет, мы получаем одну и ту же зарплату.

Итак, город засыпало снегом. И лишь на одной улице работал единственный дворник. Он старательно расчищал тротуары, проделывал дорожки среди сугробов и даже, справившись со своим участком, переходил на следующий. Короче говоря, это был дворник-чудак, который умудрялся любить свою работу. И, конечно же, он вызывал самые противоречивые чувства. Одни хвалили его, потому что гулять в городе можно было только по его улице, другие, а среди них были все остальные дворники, — ругали. Объяснений его поведению находилось множество.

— Чего ж ему не работать, если он побогаче нас с вами? — говорили одни. — Посмотрели бы, как он получает зарплату. Даже не пересчитывает денег, сунет их в карман и идет дальше.

— Да он просто находит деньги на улице. Метет себе тротуар, а там то одна монета, то две, то три. На его улице просто живут рассеянные люди, которые постоянно теряют деньги, — утверждали другие.

— Неспроста он привлекает жителей гулять по своей улице. Они гуляют, а денежки у них так и падают, так и падают, — заявляли третьи.

— Да ему больше делать нечего, как работать, — твердили четвертые. — Здоров, всем доволен, самый счастливый. Вот и все дела.

Но самое печальное, что все эти сплетни никто не брался опровергать. Даже те, кто хвалил дворника, в глубине души считали его не вполне нормальным. А может, и впрямь он был чудачком... Ведь когда его спрашивали, он никогда не жаловался на судьбу и считал себя удачливым. Соглашался с тем, что он самый богатый, и самый здоровый, и самый счастливый человек в городе. Меж тем именно в эту снежную зиму, в этот снежный вечер ему следовало бы помолчать. А он еще мурлыкал песенку, расчищая свою улицу. Вероятно, он рассердил метель и она не кончалась, чтобы проверить его терпение. Так до утра они и боролись, а в результате весь город засыпало до самых крыш.

Люди проснулись поздно и решили, что не пойдут на работу, потому что незачем рисковать здоровьем и жизнью, пробираясь через сугробы. А главное — не их дело расчищать город от снега, а дворников. Так прошел не один день, и жители стали замерзать, голодать. Они умирали, проклиная дворников, но никому не пришлось в голову взять лопату и выйти на улицу. Ведь это не их дело.

А дворники в это время прорыли ходы в сугробах и собрались вместе, чтобы составить заговор.

— Пришел наш час! — торжественно решили они. — Весь город и его судьба в наших руках.

Всю свою жизнь мы были самыми униженными среди всех сословий. Теперь мы станем выше всех.

И вот они, вооружившись лопатами, добрались до ратуши и потребовали от правительства отдать им всю власть в государстве. Что было делать городским советникам, как не подчиниться? Один за другим откапывали дворники дома и тут же приводили к присяге жителей города, требуя, чтобы те признавали их власть.

Первый указ нового правительства гласил, что всем жителям страны вменяется в первейшую обязанность соблюдать чистоту, дабы облегчить работу дворникам. Правда, после указа дворникам стало нечего делать, но зато была восстановлена справедливость, которую, по мнению правительства, долго попирали. Второй указ был направлен против того чудака, который был бельмом на глазу у всего города. Его лишили звания дворника и заодно той высокой зарплаты, которая отныне вводилась за этот труд. Чудак не противился. Лишь спросил, можно ли ему стать строителем и, получив согласие, удалился из города.

Прошло немного времени. Как-то через эту страну проезжала прекрасная принцесса. Только один взгляд на нее вызывал самые пылкие восторги. Воистину она была удивительной красавицей! Весь город сбежался посмотреть на нее.

— О, если б она осталась жить у нас, — говорили люди, — Мы могли бы гордиться своей страной. Она прославила бы ее на весь мир!

Да, в присутствии принцессы все ощутили свою бедность. В стране была только чистота, а кроме нее, ничего больше не было. С тех пор, как все стали наводить порядок и заниматься уборкой, государство опустело. Все старое сносили и сжигали. У деревьев обрубали ветви, чтобы от них было меньше листьев и сора, животных загоняли в специальные сады, дабы они не мешали порядку.

И вот когда принцессе предложили остаться в их стране, она удивленно спросила:

— А что же у вас есть, ради чего можно жить?

Никто не мог ответить на этот вопрос. Для всех это и была бы принцесса. Ради нее они хотели бы жить в своей стране. Вдруг кто-то случайно вспомнил про чудака-дворника. Воистину, только его и могли они показать красавице-принцессе.

— У нас живет самый счастливый человек! — закричали они. — Он единственный в мире, так же, как и вы!

Вспомнив, в какую сторону ушел чудак, они немедленно собрались в путь за ним. И тут уже пришлось удивляться не одной принцессе, но и жителям страны. Оказывается, чудак поселился в самом заброшенном уголке государства, но, став строителем, умудрился выстроить там целый дворец, окруженный лесом и парком. Не нужно было задавать вопросов, чтобы увидеть, что чудак опять чувствует себя счастливым. Увидев, что принцесса довольна, люди бросились к нему и предложили немедленно стать принцем.

— А что я должен буду делать? — спросил он.

— Ничего! Ты просто будешь принцем и мужем прекрасной принцессы! — отвечали ему.

— Но я не умею ничего не делать! — заявил чудак.

— Ну... повелевай нами!..

— И этого я не умею.

— Ну, делай, что хочешь, и еще будь нашим принцем. А мы будем брать с тебя пример.

Чудак еще раздумывал, соглашаться ли на новую должность, но тут принцесса улыбнулась ему и взяла дело в свои руки.

И вот красота и счастье стали править страной. Принц нашел себе дело и заботился обо всех своих подданных. Он вставал раньше всех, брал в руки метлу и шел убирать улицы, а потом начинал строить, а потом делал еще массу дел, и его подданные, видя его заботу, также начинали заботиться друг о друге, и вся страна благоденствовала.

И в щепке порою скрывается счастье!

Теперь я расскажу вам историю о счастье. Все знакомы со счастьем, но иным оно улыбается из года в год, иным только в известные годы, а бывают и такие люди, которых оно дарит

улыбкою лишь раз в их жизни, но таких, которым бы оно не улыбнулось хоть раз, — нет. Я не стану рассказывать о том, что маленьких детей присылает на землю господь бог, что он кладет их прямо к груди матери, что это может случиться и в богатом замке, в уютной комнате, и в чистом поле, на холоде и ветре, — это знает всякий. Но вот что знает не всякий, а между тем это вернее верного: господь бог, ниспосылая на землю ребенка, ниспосылает вместе с ним и его счастье. Только счастье это не кладется на виду, рядом с ребенком, а прячется обыкновенно в каком-нибудь таком местечке, где меньше всего ожидают найти его. Найдись же оно всегда, рано или поздно, найдется, и это лучше всего! Оно может скрываться в яблоке, как, например, счастье одного великого ученого по имени Ньютон. Яблоко шлепнулось перед ним на землю, и он нашел в нем свое счастье. Если ты не знаешь этой истории, то попроси рассказать тебе ее того, кто знает, я же хочу рассказать другую историю — о груше.

Жил-был бедняк; он и родился, и вырос в нужде и в приданое за женою взял нужду. По ремеслу же он был токарь и точил главным образом ручки да колечки для зонтиков, но работа эта только-только позволяла ему перебиваться с семьей.

— Нет мне счастья! — говаривал он.

История эта — настоящая быль; я мог бы даже назвать и страну и местность, где жил наш токарь, но не все ли равно?

Первым и главным украшением его садика служила красная кислая рябина, но росло в саду и одно грушевое дерево, да только без плодов. И все же счастье токаря скрывалось как раз в этом дереве, в его невидимых грушах!

Раз ночью поднялась сильная буря; в газетах писали даже, что ветер подхватил большой дилижанс и швырнул его оземь, как щепку. Не мудрено, что таким ветром обломило и сук у грушевого дерева.

Сук принесли в мастерскую, и токарь, ради шутки, выточил из него большую грушу, потом поменьше, еще меньше и, наконец, несколько совсем крохотных.

— Пора было дереву принести груши! — сказал он шутя и роздал груши детям — пусть играют.

К числу вещей, необходимых в сырых, дождливых странах относится, конечно, зонтик, но вся семья токаря обходилась одним зонтиком. В сильный ветер зонтик выворачивало наизнанку, иногда даже ломало, но токарь сейчас же приводил его в порядок. Одно было досадно - пуговка, на которую застегивалось колечко шнура, охватывавшего сложенный зонтик, часто выскакивала или ломалось самое колечко.

Раз пуговка отскочила, токарь стал искать ее на полу и нашел вместо нее одну из маленьких точеных груш, которые отдал играть детям.

— Пуговки теперь не найти! — сказал токарь. — Но можно воспользоваться вот этою штучкой! — И он просверлил в груше дырочку, проткнул сквозь нее шнурок, и маленькая груша плотно вошла в полуколечко. Так хорошо застежка ее никогда не держалась!

Посылая на следующий год в столицу ручки для зонтиков, токарь послал также вместо застежек и несколько выточенных груш с полуколечками к ним и просил хозяина магазина испробовать новые застежки. Последние попали в Америку; там скоро смекнули, что маленькие груши лучше, удобнее всяких пуговок, и потребовали от поставщика, чтобы впредь и все зонтики высылались с такими застежками.

Вот когда закипела работа! Груш понадобилось тысячи! Токарь принялся за дело, точил, точил, все грушевое дерево пошло на маленькие груши. А груши приносили скиллинги и далеры!

— Так счастье мое скрывалось в грушевом дереве! — сказал токарь. У него теперь была уже большая мастерская, он держал подмастерьев и учеников, вечно был весел и приговаривал:

«И в щепке порою скрывается счастье!»

Скажу то же самое и я.

Говорят же ведь: «Возьми в рот белую щепочку и станешь невидимкою!» Но для этого нужно взять настоящую щепочку, которая дается нам на счастье от господ бога. Вот и мне дана такая, и я тоже могу извлечь из нее, как и токарь, звонкое, блестящее, лучшее в свете золото, то золото, что блестит огоньком в детских глазках, звенит смехом из детских уст и из уст их родителей. Они читают мои сказки, а я стою посреди комнаты невидимкою, — у меня во рту белая щепочка! И если вижу я, что они довольны моею сказкою, я тоже говорю: «Да, и в щепке порою скрывается счастье!»

Ребятня болтовня

У богатого купца был детский вечер; приглашены были все дети богатых и знатных родителей. Дела купца шли отлично; сам он был человек образованный, даже в свое время окончил гимназию. На этом настоял его почтенный отец, который был сначала простым прасолом, но честным и трудолюбивым человеком и сумел составить себе капитал, а сын еще преумножил его. Купец был человек умный и добрый, хоть люди не так много говорили об этих качествах, как о его богатстве.

Он вел знакомство и с аристократами крови, и с аристократами ума, как это говорится, а также с аристократами и крови и ума вместе, и, наконец, с теми, которые не могли похвалиться ни тем, ни другим аристократизмом.

Итак, у него в доме собралось большое общество, но исключительно детское; дети болтали без умолку; у них, как известно, что на уме, то и на языке. В числе детей была одна прелестная маленькая девочка, только ужасно спесивая. Спесь не вбили, а «вцеловали» в нее, и не родители, а слуги, родители были для этого слишком разумны. Отец малютки был камер-юнкером, и она знала, что это нечто «ужасно важное».

— Я камер-юнкерская дочка! — сказала она.

Она точно так же могла бы быть лавочниковой дочкой — и то и другое одинаково не во власти самого человека. И вот она рассказывала другим детям, что в ней течет «настоящая кровь», а в ком ее нет, из того ничего и не выйдет. Читай, старайся, учись сколько хочешь, но, если в тебе нет настоящей крови, толку не выйдет.

— А уж из тех, чье имя кончается на «сен», — прибавила она, — никогда ничего не выйдет путного. Надо упереться руками в бока, да и держать себя подальше от всех этих «сен, сен»! И она уперлась прелестными ручонками в бока и выставила острые локотки, чтобы показать, как надо держаться. Славные у нее были ручонки, да и сама она была премиленькая!

Но дочка купца обиделась: фамилия ее отца была Мадсен, а она знала, что эта фамилия тоже кончается на «сен», и вот она гордо закинула головку и сказала:

— Зато мой папа может купить леденцов на целых сто риксдалеров и разбросать их народу! А твой может?

— Ну, а мой папа, — сказала дочка писателя, — может и твоего папу, и твоего, и всех пап на свете пропечатать в газете! Все его боятся, говорит мама: ведь это он распоряжается газетой!

И девочка прегордо закинула головку - ни дать ни взять принцесса крови!

А за полуотворенною дверью стоял бедный мальчик и поглядывал на детей в щелочку; мальчуган не смел войти в комнату; куда было такому бедняку соваться к богатым и знатым детям! Он поворачивал на кухне для кухарки вертел, и теперь ему позволили поглядеть на разряженных, веселящихся детей в щёлку; и это уж было для него огромным счастьем.

«Вот бы мне быть на их месте!» — думалось ему. Вдруг он услышал болтовню девочек, а, слушая ее, можно было упасть духом. Ведь у родителей его не было в копилке ни гроша; у них не было средств даже выписать газету, а не то что самим издавать ее. Хуже же всего было то, что фамилия его отца, а значит, и его собственная, как раз кончалась на «сен»! Из него никогда не выйдет ничего путного! Вот горе-то! Но кровь в нем все-таки была самая настоящая, как ему казалось; иначе и быть не могло.

Так вот что произошло в тот вечер!

Прошло много лет, дети стали взрослыми людьми.

В том же городе стоял великолепный дом, полный сокровищ. Всем хотелось видеть его; для этого приезжают даже из других городов. Кто же из тех детей, о которых мы говорили, мог назвать этот дом своим? Ну, это легко угадать! Нет, не очень! Дом принадлежал бедному мальчугану. Из него таки вышло кое-что, хоть фамилия его и кончалась на «сен» — Торвальдсен. А другие дети? Дети кровной, денежной и умственной спеси, из них что вышло? Да, все они друг друга стоили, все они были дети как дети! Вышло из них одно хорошее: задатки-то в них были хорошие. Мысли же и разговоры их в тот вечер были ребячьей болтовней!

Улитка и розовый куст

Вокруг сада шла живая изгородь из орешника; за нею начинались поля и луга, где паслись коровы и овцы. Посреди сада цвел розовый куст; под ним сидела улитка. Она была богата внутренним содержанием—она содержала самое себя.

— Пстойте, придет и мое время! — сказала она. — Я дам миру кое-что поважнее этих роз, орехов или молока, что дают коровы и овцы!

— Я многого ожидаю от вас! — сказал розовый куст. — Позвольте же узнать, когда это будет?

— Время терпит! Это вот вы все торопитесь! А торопливость ослабляет впечатление!

На другой год улитка лежала чуть ли не на том же месте, на солнышке, под розовым кустом, снова покрытым бутонами. Бутоны распускались, розы цвели, отцветали, а куст выпускал все новые и новые.

Улитка наполовину выползла из раковины, вытянула рожки и опять подобрала их. — Все то же да то же! Ни шагу вперед! Розовый куст остается при своих розах, ни на волос не подвинулся вперед!

Лето прошло, настала осень, розовый куст цвел и благоухал, пока не выпал снег. Стало сыро, холодно, розовый куст пригнулся к земле, улитка уползла в землю. Опять настала весна, снова зацвели розы, выползла и улитка. — Теперь вы уж стары! — сказала она розовому кусту. — Пора бы вам и честь знать! Вы дали миру все, что могли дать; многое ли — это вопрос, которым мне некогда заниматься. А что вы ровно ничего не сделали для своего внутреннего развития — это ясно! Иначе из вас вышло бы кое-что другое. Что вы скажете в свое оправдание? Вы скоро ведь обратитесь в сухой хворост! Понимаете вы, что я говорю?

— Вы меня пугаете! — сказал розовый куст. — Я никогда об этом не думал!

— Да, да, вы, кажется, мало затрудняли себя думаньем! А вы пробовали когда-нибудь заняться этим вопросом, дать себе отчет: почему, собственно, вы цветете и как это происходит, почему так, а не иначе?

— Нет! — сказал розовый куст. — Я радовался жизни и цвел — я не мог иначе! Солнце так грело, воздух так освежал меня, я пил живую росу и обильный дождь, я дышал, я жил! Силы поднимались в меня из земли, вливались из воздуха, я жил полною жизнью, счастье охватывало меня, и я цвел, — в этом была моя жизнь, мое счастье, я не мог иначе!

— Да, вы таки жили не тужили, нечего сказать!

— Да! Мне было дано так много! — сказал розовый куст. — Но вам дано еще больше! Вы одна из глубокомыслящих, высокоодаренных натур!.. Вы должны удивить мир!

— Была охота! — сказала улитка. — Я знать не знаю вашего мира! Какое мне до него дело? Мне довольно самой себя!

— Да, но мне кажется, что все мы обязаны делиться с миром лучшим, что есть в вас!.. Я мог дать миру только розы!.. Но вы? Вам дано так много! А что вы дали миру? Что вы дадите ему?

— Что я дала? Что дам?! Плюю я на него! Никуда он не годится! И дела мне нет до него!

Снабжайте его розами — вас только на это и хватит! Пусть себе орешник дает ему орехи, коровы и овцы — молоко, у них своя публика! Моя же — во мне самой! Я замкнусь в себе

самой и — баста! Мне нет дела до мира!

И улитка заползла в свою раковину и закрылась там.

— Как это грустно! — сказал розовый куст. — А я так вот и хотел бы, да не могу замкнуться в самом себе; у меня все просится наружу, я должен цвести! Розы моя опадают и разносятся по ветру, но я видел, как одну из них положила в молитвенник мать семейства, другую приютила у себя на груди прелестная молодая девушка, третью целовали улыбающиеся губки ребенка!.. И я был так счастлив! Вот мои воспоминания; в них — моя жизнь!

И розовый куст цвел и благоухал, полный невинной радости и счастья, а улитка тупо дремала в своей раковине, — ей не было дела до мира.

Года шли за годами.

Улитка стала землей в земле, розовый куст стал землей в земле, роза воспоминания истлела в молитвеннике... Но в саду цвели новые розовые кусты, под ними ползали новые улитки; они заползали в свои домики и плевались — им не было дела до мира!

Не рассказать ли эту историю сначала? Она не меняется!

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПОРОКИ И ДОБРОДЕТЕЛИ

На утином дворе

Из Португалии — а кто говорит из Испании, но это все едино — вывезли утку; прозвали ее Португалкою; она несла яйца, потом её зарезали, зажарили и подали на стол, — вот и вся ее история. Выводков из ее яиц тоже звали Португалками, и это кое-что значило. Наконец из всего потомства первой Португалки осталась на утином дворе только одна утка. На этот утиный двор допускались и куры с петухом, неизменно задиравшим нос.

— Он просто оскорбляет меня своим неистовым криком! — говорила Португалка. — Но он красив — этого нельзя у него отнять, хоть и не сравнится с селезнем. Ему бы следовало быть посдержаннее, но ведь сдержанность — это целое искусство, требующее высшего образования. Этим отличаются певчие птички, что гнездятся вон там, в соседском саду на липах! Как мило они поют! В их пении есть что-то такое трогательное, португальское — как я это называю! Будь у меня такая певчая птичка, я бы заменила ей мать, была бы с нею ласкова, добра! Это уж у меня в крови, в моем португальстве.

И как раз в эту минуту к ней и свалилась с крыши певчая птичка. Она шарахнулась оттуда, спасаясь от кошки, и отделалась сломанным крылом.

— Как это похоже на кошку, на эту кровопийцу! — сказала Португалка. — Я знаю её ещё с той поры, как у меня самой были утята! И подумать, что такому созданию позволяют жить и бегать тут по крыше! Нет уж, в Португалии, я думаю, этого не увидишь!

И она принялась соболезновать бедной певчей птичке. Соболезновали и простые утки, не португальские.

— Бедная крошка! — говорили они, подходя к ней одна за другой. — Сами мы не из певчих, но в нас есть внутренний резонанс, или как это назвать иначе? Мы чувствуем, хоть и не говорим о том!

— Так я поговорю! — сказала Португалка. — И сделаю для нее кое-что! Это прямой долг каждого! — С этими словами она подошла к корыту и зашлепала по воде крыльями, так что чуть не потопила птичку под дождем брызг, но от доброго сердца. — Вот это доброе дело! — сказала Португалка. — Пусть смотрят и берут пример.

— Пип! — пискнула птичка; сломанное крылышко не давало ей встряхнуться хорошенько; но она все-таки понимала, что ее выкупали от доброго сердца. — Вы очень добры, сударыня — прибавила она, но о повторении душа не просила.

— Я никогда не думала о своей доброте! — ответила Португалка. — Но я знаю, что люблю всех моих ближних, кроме кошки! А этого уж от меня и требовать не вправе. Она съела у меня двух утят! Ну, будьте же теперь здесь как дома! Это можно! Сама я тоже не здешняя, что вы, конечно, видите по моей осанке и оперению. А селезень мой здешний, не моей крови, но я не спесива!.. Если вас вообще кто-нибудь поймет здесь, во дворе, то, смею думать, это я!

— У нее Портулакия в зобу! — сострил один маленький простой утенок; остальные простые утки нашли это бесподобным: Портулакия звучит ведь совсем как Португалия! И они подталкивали друг друга, крикая:

— Крик! Вот остряк! — Потом они опять заговаривали с певчею птичкою.

— Португалка — мастерица поговорить! — сказали они. — У нас нет таких громких слов в клюве, но и мы принимаем в вас не меньшее участие! И если мы ничего не делаем для вас, то не кричим об этом! По-нашему, так благороднее.

— У вас прелестный голос! — сказала одна из пожилых уток. — То-то, должно быть, приятно сознавать, что радуешь многих, как вы! Я, впрочем, мало смыслю в пении! Оттого и держу язык в клюве. Это лучше, чем болтать глупости, каких вам столько приходится выслушивать.

— Не надоедайте ей! — вмешалась Португалка. — Ей нужен отдых и уход. Хотите, я опять вас выкупаю, маленькая певунья?

— Ах нет, нет! Позвольте мне остаться сухою! — попросила та.

— А мне только водяное леченье и помогает! — продолжала Португалка. — Развлечения

тоже очень полезны! Вот скоро придут в гости соседки куры; между ними есть две китайки; они ходят в панталончиках и очень образованны. Они тоже не здешние, и это очень подымет их в моих глазах.

Куры явились; явился и петух. На этот раз он был настолько вежлив, что не грубиянил. — Вы настоящая певчая птица! — сказал он птичке. — И делаете из своего крохотного голоса что можете. Но надо иметь свисток посильнее, чтобы слышно было, что ты мужчина!

Обе китайки пришли от птички в восторг: она после купанья была вся взъерошенная и напомнила им китайского цыпленка. — Как она мила! — сказали они и вступили с нею в беседу. Говорили они шепотом, да еще и пришепetyвали, как и полагается знатным китайкам.

— Мы ведь вашей породы! А утки, даже сама Португалка, принадлежат к водяным птицам, как вы, вероятно, заметили. Вы нас еще не знаете, но и многие ли нас здесь знают или дают себе труд узнать? Никто, даже из кур никто, хотя мы и рождены для более высокого насеста, нежели большинство! Ну, да пусть! Мы мирно идем своею дорогой среди других, хотя у нас и другие принципы: мы смотрим только на одно хорошее, говорим только о хорошем, хотя и трудно найти его там, где нет ничего! Кроме нас двух да петуха, во всем курятнике нет даровитых и в то же время честных натур. Об утином дворе и говорить нечего. Мы предостерегаем вас, милая певунья! Не верьте вон той короткохвостой утке — она хитрая! А вот та, пестрая, с кривым узором на крыльях, страшная спорщица, никому не дает сказать последнего слова, и сама всегда неправa! Та жирная утка обо всех отзывается дурно, а это противно нашей природе: уж если нельзя сказать хорошего, лучше молчать! Португалка одна отличается хоть некоторым образованием, и с нею ещё можно водиться, но она тоже пристрастна и слишком много говорит о своей Португалии.

— И что эти китайки расшептались! — удивлялись две простые утки. — На нас они наводят скуку; мы никогда с ними не разговариваем.

Вот явился и селезень. Он принял певчую птичку за воробья.

— Ну, да, я много не разбираю! — сказал он. — Все едино! Она из породы шарманок; есть они — ну и ладно.

— Пусть себе говорит, а вы не обращайтесь внимания! — шепнула птичке Португалка. — Он зато весьма деловитый селезень, а дела ведь главное!.. Ну, а теперь я прилягу отдохнуть, это прямой долг по отношению к самой себе, если хочешь разжиреть и быть набальзамированною яблоками и черносливом.

И она улеглась на солнышке, подморгнув одним глазом. Улеглась она хорошо, сама была хороша и заснула хорошо. Певчая птичка почесала сломанное крылышко и прилегла к своей покровительнице. Солнышко так славно пригревало, тут было чудесное местечко.

Соседские куры принялись рыться в земле; они, в сущности, и приходили сюда только за кормом. Потом они стали расходиться; первые ушли китайки, за ними и остальные.

Остроумный утенок сказал про Португалку, что старуха скоро впадет в «утиное детство».

Другие утки закрикали от смеха. «Утиное детство!» «Ах, он бесподобен! Вот остряк!» И они повторяли и прежнюю его остроуту: «Портулакия». Ужасно забавно было! Затем улеглись и они.

Прошел час, вдруг на двор выплеснули помой и всякие кухонные отбросы. От этого всплеска вся спящая компания проснулась и забила крыльями. Проснулась и Португалка, перевалилась на другой бок и пребольно придавила певчую птичку.

— Пип! — пискнула та. — Вы наступили на меня, сударыня!

— Не попадайтесь под ноги! — ответила Португалка. Да не будьте такою неженкой! — У меня тоже есть нервы, а я никогда не пишу!

— Не сердитесь! — сказала птичка. — Это у меня так вырвалось!

Португалка не слушала, бросилась на поживу и отлично пообедала. Покончив с едой, она опять улеглась. Птичка снова подошла к ней и хотела было доставить ей удовольствие своим пением:

Чу-чу-чу-чу!

Уж не промолчу.

Я вас воспеть хочу!

Чу-чу-чу-чу!

— Теперь мне надо отдохнуть после обеда! — сказала утка. — Пора вам привыкать к здешним порядкам! Я спать хочу!

Бедная птичка совсем растерялась: она ведь хотела услужить! Когда же госпожа Португалка проснулась, птичка уж опять стояла перед нею и поднесла ей найденное зернышко. Но утка не выспалась как следует и, разумеется, была не в духе.

— Отдайте это цыпленку! — крикнула она. — Да не стойте у меня над душой!

— Да вы сердиты на меня? — спросила птичка. — Что же я сделала?

— Сделала! — повторила Португалка. — Выражение не из изящных, позвольте вам заметить!

— Вчера светило солнышко, — сказала птичка, — а сегодня так серо, темно! Мне так грустно!

— Вы не сильны во времяисчислении! — сказала Португалка. — День еще не кончился! Да не смотрите же так глупо!

— Теперь у вас точь-в-точь такие же злые глаза, как те, от которых я спаслась сюда!..

— Ах, бесстыдница! — сказала Португалка. — Вы меня приравниваете к кошке, этой хищнице? В моей крови нет ни единой злой капельки! Я приняла в вас участие и научу вас приличному обхождению!

И она откусила птичке голову; птичка упала мертвая.

— Это еще что?! — сказала Португалка. — И этого перенести не могла? Ну, так она и не жилища была на этом свете! А я была для нее матерью, это я знаю! Сердце у меня есть!

Соседский петух просунул голову на двор и закукарекал, что твой паровоз.

— Вы изводите меня своим криком! — сказала утка. — Это все вы виноваты! Она потеряла голову, да и я свою скоро потеряю!

— Не много-то места она теперь занимает! — сказал петух.

— Говорите о ней почтительнее! — сказала Португалка. — У нее был голос, она умела петь, была образованна! Она была нежная и любящая, а это так же приличествует животным, как и так называемым людям!

Вокруг мертвой птички собрались все утки; утки вообще сильно чувствуют и выражают свои чувства — и зависть, и жалость. Тут завидовать было нечему, так они жалели. Пришли и куры-китайки.

— Такой певчей птички у нас больше не будет! Она была почти что китайка!

— И они всхлипывали; другие куры тоже, а утки ходили с красными глазами.

— Сердце-то у нас есть! — говорили они. — Этого уж у нас не отнимут!

— Сердце! — повторила Португалка. — Да, этого-то добра у нас здесь почти столько же, сколько и в Португалии!

— Подумаем-ка лучше, чем бы набить зобы! — заметил селезень. — Это важнее всего! А если и разбилась одна шарманка, что ж? Их еще довольно осталось на свете!

Подснежник

Завывал зимний ветер, а в домике было тепло и уютно. В этом домике укрывался цветок. Он укрывался в своей луковице под землей и снегом. Потом выпал дождь. Капли пробили снежное покрывало и застучали по цветочной луковице. Они говорили о светлом наземном мире, и вслед за ними сквозь снег пробился нежный и настойчивый солнечный луч и пригрел луковицу.

— Кто там? Войдите! — сказал цветок.

— Не могу! — сказал солнечный луч. Мне никак не отворить дверь. Подожди до лета, тогда я наберу силу.

— А когда будет лето? — спросил цветок и повторял этот вопрос всякий раз, как новый

солнечный луч пробивался под землю. Но до летней поры было еще далеко, повсюду лежал снег, и каждую ночь вода подергивалась ледком.

— Как мне это надоело! — сказал цветок. — Все тело ноет! Я должен потянуться, выпрямиться и выйти на волю, я должен поклониться лету и пожелать ему доброго утра. Ах, какое это будет счастье!

Цветок встал, потянулся и приналег на свою оболочку, размякшую от теплой земли, талой воды и солнечных лучей. Он рванулся вверх, неся на зеленом стебле бледно-зеленый бутон, бережно прикрытый узкими плотными листочками, и очутился в снегу. Снег был холодный, но весь просвечивал, и пробиваться сквозь него было куда легче, а солнечные лучи были теперь совсем близко, так близко, как никогда прежде. Они звенели и пели:

— Добро пожаловать! Добро пожаловать!

И цветок поднялся из снега навстречу светлому солнечному миру.

Лучи гладили и целовали его так нежно, что он совсем раскрылся.

Он стоял, белый как снег, украшенный зелеными полосочками, смущенно и радостно склонив голову.

— Прекрасный цветок! — пели солнечные лучи. — Как ты нежен и свеж! Ты первый! Ты единственный! Любимый ты наш! Ты несешь в города и селенья весть о лете, о теплом лете. Весь снег растает, улетят холодные ветры! Придет наша пора! Все зазеленеет. И у тебя появятся друзья: сирень, раkitник, а потом розы, но ты у нас первый, такой нежный, такой прозрачный!

Ему было так радостно, словно пел весь воздух, словно лучи света пронизали все его листики и стебель, и цветок стоял нежный и хрупкий и вместе с тем сильный в своей юной красе. Он стоял в бело-зеленом наряде и славил лето. Но до лета было все еще далеко, тучи закрыли солнце, и подул резкий холодный ветер.

— Рановато ты явился! — сказали Непогода и Ветер. — Мы еще покажем тебе нашу силушку! Ты еще нас узнаешь! Сидел бы лучше дома и не выскакивал на улицу щеголять нарядами. Не пришла еще твоя пора!

И снова наступили холода. Потянулись хмурые дни без единого солнечного луча. Погода стояла такая, что маленькому, слабому цветку впору было промерзнуть насквозь. Но он и сам не знал, какой он сильный: ему прибавляла сил жизнерадостность и вера в то, что лето все равно придет. Он хранил ему верность, а солнечные лучи подтверждали, что ждать стоит. И так стоял он, исполненный любви, веры и надежды, в белом наряде на белом снегу и склонял голову, когда густо падали хлопья и дули ледяные ветры.

— Ты сломишься, — говорили они. — Замерзнешь, засохнешь! Что ты здесь искал? Зачем доверился солнечному лучу? Он обманул тебя. И поделом тебе, безумец. Эх ты, вестник лета!

— Безумец! — повторил цветок, когда настало морозное утро.

— Вестник лета! — обрадовались дети, которые выбежали в сад. — Полюбуйтесь, какой он славный, какой красивый, самый первый, единственный!

И от этих слов цветку сделалось так хорошо, как от теплых солнечных лучей. На радостях цветок даже не заметил, что его сорвали. Он лежал в детской руке, и детские губы целовали его, он очутился в теплой комнате, на него смотрели добрые глаза, его поставили в воду, такую бодрящую, такую живительную, что цветку почудилось, будто вдруг настало лето.

У хозяйской дочери, которая недавно конфирмовалась, был любезный дружок-подмастерье, который тоже недавно конфирмовался.

— Закружу-ка я ему голову! — сказала она; затем, взяв нежный цветок, вложила его в надушенный листок бумаги, на котором были написаны стихи, стихи о цветочке. Они начинались словами: «Подснежник говорит:

«Настало лето вновь!» и кончались этими же словами, а внизу была еще такая приписка: «А я тебе скажу, что к нам пришла любовь!»

Хорошенькая барышня тоже обещала тепло и солнце. Об этом было написано в стихах,

которые затем были посланы вместе с цветком по почте. Ему показалось, что он снова очутился в луковице, так сделалось вокруг темно. И подснежник отправился в путешествие: он ехал в почтовом мешке, со всех сторон на него жали и давили, и это не доставляло ему никакого удовольствия. Но всему когда-нибудь приходит конец. Закончилось и путешествие. Любезный друг распечатал и прочел письмо, да так обрадовался, что поцеловал цветочек; потом цветок вместе со стихами был положен в шкатулку, где лежало много красивых писем, только все они были без цветов, он был первым и единственным, как его называли солнечные лучи, и было приятно думать об этом.

И уж думать об этом он мог предостаточно, он думал все лето и всю долгую зиму, а когда опять настало лето, цветок попался на глаза молодому человеку. На сей раз молодой человек несколько ему не обрадовался: он схватил письмо и так швырнул стихи, что цветок упал па пол. Правда, цветок высох и сплюснулся, но из этого вовсе не следовало, что его надо было бросать на пол. Тем не менее здесь было лучше, чем в огне, где пылали стихи и письма. Что же случилось? Да лишь то, что нередко случается.

Ранней весной подснежник оказался обманщиком, возвестившем о лете, но это была невинная шутка. Девушка оказалась тоже обманщицей, возвестив о любви, и это была уже злая шутка. А когда на самом деле пришло лето, она выбрала себе другого.

Утром солнечный луч осветил маленький сплюснутый подснежник, который выглядел нарисованным на полу. Служанка, подметавшая пол, подняла его и положила в одну из книг, так как ей показалось, что он выпал оттуда, когда она обметала пыль. И цветок снова очутился среди стихов, среди стихов напечатанных, а они куда благороднее, чем рукописные, и уже по крайней мере стоят они дороже.

Годы шли. Книга стояла на полке; затем ее взяли, раскрыли и прочли. Это была хорошая книга: стихи и песни датского поэта Амброзиуса Стуба, они стоили того, чтобы с ними ознакомились. И человек, читавший книгу, перевернул страницу.

— Ах, — сказал он, — здесь подснежник, самый первый и безрассудный цветок! Мне кажется, его положили сюда неспроста! Бедный Амброзиус Стуб! Он сам был как слишком ранний подснежник, и поэтому на его долю выпали злые ветры, снег и холод. Он странствовал по родному острову Фюн от одного помещичьего дома к другому, словно подснежник в стакане воды, словно цветок в любовном письме, и никто не принимал всерьез самого безрассудного, наивного, чудаковатого, и притом самого первого, единственного, вечно юного датского поэта. Да, маленький подснежник, оставайся здесь как напоминание, тебя сюда вложили неспроста!

И подснежник снова очутился в книге. Ему было лестно осознавать, что лежит он в прекрасной книге песен неспроста и что юноша, воспевавший его, был тоже безрассуден и тоже бросал вызов зиме. Цветок понял все это на свой лад, как и мы склонны все понимать на свой лад. Вот и конец сказки о маленьком безрассудном подснежнике.

«Ни с чем пирог»

(7 июля — канун Ивана Купалы)

Был в нашей деревне случай, о котором и нынче еще не все старики забыли. А я столько раз про него вспоминала, что уж и не знаю, рассказывать ли тебе? Ну, да ладно, расскажу.

Сейчас-то все чаще люди про деньги помышляют, как будто в них одних счастье и сокрыто. Ан нет.

Жили в деревне два брата — одному-то уж двадцать лет стукнуло, а второй еще мальчонкой был лет десяти. Родители у них были старые да хворые. Какие из них работники: и в Петров им холодно было, все на печи лежали. Вот и пришлось сыновьям своим трудом кормиться да и за родителями старыми присматривать.

Младшенький-то, Афонюшка, что на покосе, что в огороде от старшего не отставал. Мало силенок — так он, глядишь, поможет себе какую придумает. То тележечку из старого корыта смастерил, чтобы, значит, поклажу не на плечах носить. То лопатку соорудил махоньку, да легоньку, чтобы, пусть и поменьше землицы прихватить, зато не так скоро уставать. Все

бабы, слышь, к колодцу с коромыслами, а он на свою тележечку бочоночек приспособит: те же два ведра воды и привезет, а все рук не тянет. Смышленный Афонюшка-то рос. И все придумки его в дело. А старший-то брат, Ефим, не больно работать любил: как-то все из-под палки, с ленцою делал.

Начнет, бывало, старый забор чинить — сделает, что в охотку, а все остальное младший брат доделывает. Корова этой зимой у них от бескормицы померла. Поленился Ефим сена-то сполна наносить, а Афонюшка, сколь ни старался, да где ж ему, мальцу, да с такою прорвою справиться? Бросит, бывало, Ефим работу какую, а сам сядет в тенечке, глаза закроет — и ну мечтать. И мечты-то у него все одни были: как бы разбогатеть?! Да так разбогатеть, чтоб к тому ни рук, ни ума не прикладывать.

Вот и надумал он жениться. Да так жениться, чтобы за невестою большое приданое взять. Стал к деревенским девкам приглядываться. Кто покраше да поработящей — все такие же, как он сам, бедные, безлошадные. А как невеста побогаче — так на такого жениха, как Ефим, даже не глядит: зачем ей лодырь такой, да еще с больными стариками в придачу?

А тут кто-то и скажи, мол, к алсуфьевскому барину дочь из города на лето приехала. Много Ефим про алсуфьевскую-то дочь наслышался: и красивая и ученая, только вот зловредна очень. Да еще всякие страсти про нее сказывали. Будто научилась она в городе колдовству заморскому. Могла и порчу нагнуть, могла и сердце отнять. Ну, ведь больше, наверно, от страха ввали.

Вот и решил Ефим на кралю ту сам посмотреть. А тут и случай подвернулся. Алсуфьевскому, слышь, барину мужики для работы в саду понадобились. Дочь-то его уж больно брезговала по старому парку, по пням да корягам гулять. Вот и позвал отец мужиков пни корчевать да валежник в старом парке убирать. Пошел туда и Ефим. А сам не столько парк прибирает, сколь за хозяйскою, слышь, дочкой наблюдает. И та на красивого парня поглядывает: то из-за ставенки выглядывает, то, будто невзначай, платочек али книжечку на полянке оставит и ждет, когда Ефим ей принесет. А однажды ему и говорит:

— Смотрю я, Ефим, парень ты красивый, видный, а что ж неженатый-то?

Ефим смутился очень. Не может же он ей о себе правду сказать, что бедный да ленивый.

— Я, — говорит, — как тетушкино наследство получу — так и женюсь! За богатого-то любая замуж пойдет.

— А что ж у тебя за тетушка такая?

— Да уж есть! — Богатая она, да очень старая.

— Да неужто ты ее смерти ждешь? А может, она еще лет двадцать проживет?

— Нет уж, где ей, старой, двадцать-то лет прожить?

— А коль богатым бы стал — сразу женился бы?

— А то!.. Я парень, сама сказала, хоть куда! Женился бы!

— А хочешь, я помогу тебе разбогатеть? Научу, что делать надобно? Сегодня, как раз, день такой — канун Иванова дня. Сегодня в ночь чудеса разные случаются да клады проявляются.

У парня от таких слов глаза загорелись, руки места себе не находят. Вот и назначила ему хозяйская дочь встречу, как стемнеет.

Вечером уж Ефим в назначенном месте был, мешочек, как велено, с собой прихватил. Ждет, волнуется. Тут и барышня недалече показалась и давай его за собой в парк рукою манить.

Привела поглубже да и говорит тихо так:

— Не передумал, Ефим, разбогатеть-то? Тогда слушай... Пойдешь ты сейчас к старому дубу, что в самом углу парка растет. И жди там полночи. Как сова заушает — пора тебе. Залезай на тот дуб и спрячься надежно в его ветвях. Увидишь ты вскорости черную кошку да белую кошку. Они под деревом встанут, разговоривать начнут. Ты их разговор не слушай — все равно ничего не поймешь. А вот как драться начнут — примечай: куда клочья их шерсти полетят. После, как разбегутся они, с дерева скорее слезай да клочки шерсти с травы собирай. Только гляди, чтобы до первых петухов успеть — а то плохо тебе будет. Сколь шерсти наберешь — столь и золота в своей суме найдешь. Только про первых петухов помни! После их крика сразу беги домой, не оглядывайся, и уж ни щепотки шерсти с земли

больше не бери. Страшно это... Не забоишься?

Сказала это барышня и вроде как пропала: то ли за деревом спряталась, то ли в тень отступила. А только остался Ефим один. Пошел парень вглубь парка, дуб старый отыскал и стал ждать, пока филин ухнет. Дождался знака этого и полез на дерево. А вскорости и правда две кошки пришли: черная и белая. Начали меж собой говорить. А Ефим ждет, пока драться станут.

А подрались они крепко. Когтями друг у дружки целые клочки шерсти вырывали, а кричали так, что у Ефима кровь от страха в жилах стыла и волосы на голове, как проволока, поднялись в разные стороны. Кошки, слышь, дерутся, а он места, куда шерсть отлетает, запоминает. Утомились биться звери — в лес убежали. Ефим одним махом вниз спустился и ну шерсть собирать! Думал, ее мало, а она всю траву вокруг прикрыла. Он шерсть-то хватает, хватает, да себе в суму пихает. А шерсти вроде всё больше становится. Уж полную суму набил, а шерсти кругом — полным полно.

Тут и петухи первые прокричали. Надо бы домой сломя голову бежать. Да ведь такое счастье привалило. Не может Ефим от шерсти той оторваться. Уж она ему в ладонях золотом кажется. Очнулся — а солнышко уж всюю полыхает.

Вспомнил Ефим девкин-то наказ — да домой. Прибегает к воротам, а собака его дворовая, Булька, как зайдет в лае, да как набросится на Ефима. Тот сумой-то от собаки отбивается, а сам к крылечку пробирается. Вбежал Ефим в дом, отдышаться не может. Суму в угол положил, а братца меньшого на огород посылает, чтобы ему одному, значит, суму-то свою развязать да деньги пересчитать.

Суму свою развязал — а в ней мусор: черепки битые, сучки да труха. Одно слово — прах... Как взвыл дико Ефим! Как вытряхнул этот прах на пол из сумы своей. Да вон из дома! На крик Афонюшка с огорода прибежал. Ефим бледный весь, волосы всклокоченные, взгляд дикий. Рот у него вроде закрыт, а изнутри, из самой утробы — петушиный крик: . «Ку.-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!» Да так страшно!

Старики потом в деревне говорили — крикуна ему колдунья подарила. То ли за жадность его к деньгам, то ли так посмеялась. А только свихнулся Ефим с тех пор совсем: зимою и летом с сумою по деревне ходил, всё кошачью шерсть в нее собирал. А как петух чей деревенский петь надумает — так у Ефима изнутри крикун петушиным же голосом и отзывается.

Афонюшке же другая судьба досталась: вырос, и родителей и чудного брата не бросил. А в пору-то то вошел, своим трудом и дом починил, и родных поил - кормил. Сам не ленился, с утра до ночи трудился. И женился на девке красивой да работающей. Деток родили, «Христа ради» не просили.

Да ты их младшенькую-то дочку знаешь — это Меланья Афонюшкина, бабушка твоей подружки Лидочки. А не веришь — сам у нее спроси. Только она про дядьку своего Ефима-крикуна не всем рассказывает. Да и чего память-то его тревожить? Кабы добрый какой человек-то был, стоящий, а то так — «ни с чем пирог». Так людей называют никчемных, которые не умом да трудом добро наживают, а дарма денег да счастья ожидают. Так и зовут их — «ни с чем пирог».

Скрыто – не забыто

Стоял старый замок, окруженный тенистыми рвами; вел к нему подъемный мост, который чаще бывал поднят, чем спущен, не всякий гость приятен! В стенах под крышей были бойницы; из них стреляли, лили кипяток и даже растопленный свинец на головы врагов, если те подступали чересчур близко. Потолки в замковых покоях были высокие, и хорошо, что так, по крайней мере, было куда деваться дыму, выходящему из камина, где шипели огромные сырые коряги. По стенам висели портреты закованных в латы мужчин и гордых дам в платьях из тяжелой материи. Но стройнее и величественнее всех была сама нынешняя владелица замка, Метте Могенс.

Раз вечером на замок напали разбойники, убили трех слуг и цепную собаку, а вместо нее

посадили на цепь госпожу. Сами же расселись в зале и начали бражничать, попивая доброе вино и пиво из погребов замка.

И вот госпожа Метте сидела на цепи и даже лаять не могла. Вдруг явился слуга разбойников; он подкрался к ней потихоньку, чтобы не заметили разбойники, — они бы убили его.

— Госпожа Метте Могенс! — сказал он. — Помнишь ли ты, как твой муж посадил на кобылку моего отца? Ты просила за него, но просьбы не помогли, он должен был сидеть, пока не искалечится; тогда ты подкралась к нему, как я теперь к тебе, и сама подложила ему камешек сперва под одну, потом под другую ногу, чтобы дать ему отдохнуть. Никто не заметил этого, или все сделали вид, что не заметили, ты была ведь молодою, доброю госпожой их! Вот что рассказывал мне мой отец, и я скрыл это в моем сердце, скрыл, но не забыл! Теперь я освобожу тебя, госпожа Метте Могенс.

Они вывели из конюшни лошадей и помчались в дождь и ветер прочь от замка, за помощью.

— Ты щедро платишь за мою маленькую услугу старику! — сказала Метте Могенс.

— Скрыто — не забыто! — сказал слуга.

Разбойников повесили.

Стоял старый замок; стоит он и посейчас, но владеет им не Метте Могенс, а другой дворянский род. Было это уже в наше время. Золоченые шпили башен сияли на солнце, маленькие лесные островки выглядывали из воды словно букеты, а вокруг них плавали белые лебеди. В саду цвели розы, но сама владелица замка была свежее, прекраснее лепестка розы. Она вся сияла от радости, от сознания сделанного ею доброго дела. Добрые дела ее не кричат о себе по свету, но находят себе приют в сердцах людей; там они скрыты, но не забыты. Вот она идет из замка к одинокой лачужке в поле. В ней живет бедная параличная девушка. Единственное окошечко ее каморки было обращено на север, и солнце не заглядывало к ней никогда. Она видела в окно только краешек поля, ограниченного высокою насыпью. Но сегодня в комнатке сияет солнышко, теплое господне солнышко! Оно светит с юга в новое окошко, прорубленное в прежде глухой стене. Параличная сидит и греется на солнышке, любит лесом и берегом морским; свет вдруг так расширился для нее, приобрел новую красоту, и все это — по одному слову ласковой владительницы замка.

— Мне ничего не стоило сказать его и сделать это маленькое доброе дело! — говорит она. — А оно доставило мне такую огромную, бесконечную радость!

Вот почему она и продолжает творить добро, думать обо всех нуждающихся в утешении и в бедных хижинах, и в богатых домах — и там находят такие. Добрые дела её остаются скрытыми, но не забытыми господом богом.

В большом, шумном городе стоял старый дом. В нем было много комнат и зал, но мы туда не пойдем, а останемся на кухне. Тут светло, уютно, чисто и мило. Медная посуда так и блестит, стол чисто выскоблен, лоханка тоже. Всё это дело рук служанки. Она одна служанка в доме и всё — таки находит ещё время, убравшись по дому, приодеться, словно собирается в церковь. На голове у неё чепчик с черным бантиком; это означает траур, скорбь. Но у неё нет никого, о ком бы ей печалиться — ни отца, ни матери, ни родственников, ни милого; она бедная одинокая девушка. Когда — то, впрочем, у неё был жених, такой же бедняк, как и она сама; они горячо любили друг друга, но вот однажды он сказал ей:

— У нас с тобой нет ничего! А богатая вдова — трактирщица давно нашептывает мне ласковые слова. Она хочет мне добра! Но моё сердце полно тобою! Что ты присоветуешь мне?

— Делай так, как, по-твоему, будет для тебя лучше! — сказала она. — Будь добр и ласков с нею, но помни, что раз мы расстаёмся, больше уж не увидимся!

Прошло несколько лет; и вот она встретила на улице своего прежнего жениха. Он выглядел так плохо, что она не могла пройти мимо него, не спросив:

— Что с тобою? Как тебе живется?

— Хорошо и богато! — ответил он. — Жена моя добрая и славная женщина, но в моём

сердце одна ты. Я отстрадал своё, скоро конец! Мы свидимся теперь только на том свете! Прошла неделя, и сегодня утром в газете появилось извещение о его смерти; вот почему у девушки черный бантик на чепчике. Жених её умер, «потерян для жены и трех пасынков», — как сказано в извещении. Звучит — то оно как — то фальшиво, но самый колокол из чистого металла.

Черный бантик говорит о горе; лицо девушки говорит о нем еще сильнее. В сердце ее он скрыт и никогда не будет забыт!

Вот и все три истории, три листка, выросшие на одном стебельке. Хочешь еще таких трилистников? Их много хранится в памятной книжке сердца. Многое там скрыто, но не забыто!

Судьба репейника

Перед богатою усадьбой был разбит чудесный сад с редкостными деревьями и цветами. Гости, наезжавшие в усадьбу, громко восхищались садом; горожане и окрестные деревенские жители нарочно приезжали сюда по воскресеньям и праздникам просить позволения осмотреть его; являлись сюда с тою же целью и ученики разных школ со своими учителями.

За решеткой сада, отделявшею его от поля, вырос репейник; он был такой большой, густой и раскидистый, что по всей справедливости заслуживал название репейного куста. Но никто не любовался на него, кроме старого осла, возившего тележку молочницы. Он вытягивал свою длинную шею и говорил репейнику:

— Как ты хорош! Так бы и съел тебя!

Но веревка была коротка, и ослу не удавалось дотянуться до репейника.

Как-то раз в саду собралось большое общество: к хозяевам приехали знатные гости из столицы, молодые люди, прелестные девушки, и между ними одна барышня издалека, из Шотландии, знатного рода и очень богатая. «Завидная невеста!» — говорили холостые молодые люди и их маменьки.

Молодежь резвилась на лужайке, играла в крокет; затем все отправились гулять по саду; каждая барышня сорвала цветок и воткнула его в петлицу одного из молодых людей. А юная шотландка долго озиралась кругом, выбирала, выбирала, но так ничего и не выбрала: ни один из садовых цветков не пришелся ей по вкусу. Но вот она глянула за решетку, где рос репейник, увидела его иссиня-красные пышные цветы, улыбнулась и попросила сына хозяина дома сорвать ей один из них.

— Это цветок Шотландии! — сказала она. — Он красуется в шотландском гербе, дайте мне его!

И он сорвал самый красивый, уколол себе при этом пальцы, словно цветок рос на колючем шиповнике.

Барышня продела цветок молодому человеку в петлицу, и он был очень польщен этим, да и каждый из остальных молодых людей охотно бы отдал свой роскошный садовый цветок, чтобы только получить из ручек прекрасной шотландки хоть репейник. Но уж если был польщен хозяйский сын, то что же почувствовал сам репейник? Его как будто окропило росой, осветило солнышком.

«Однако я поважнее, чем думал! — сказал он про себя. — Место-то мое, пожалуй, в саду, а не за решеткою. Вот, право, как странно играет нами судьба! Но теперь хоть одно из моих детищ перебралось за решетку, да еще угодило в петлицу!»

И с тех пор репейник рассказывал об этом событии каждому вновь распускавшемуся бутону. Не прошло затем и недели, как репейник услышал новость — не от людей, не от щебетуний пташек, а от самого воздуха, который воспринимает и разносит повсюду малейший звук, раздавшийся в самых глухих аллеях сада или во внутренних покоях дома, где окна и двери отворены настежь. Ветер сообщил, что молодой человек, получивший из прекрасных рук шотландки цветок репейника, удостоился наконец получить и руку и сердце красавицы.

Славная вышла парочка, вполне приличная партия.

— Это я их сосватал! — решил репейник, вспоминая свой цветок, попавший в петлицу. И каждый вновь распускавшийся цветок должен был выслушивать эту историю.

— Меня, конечно, пересадят в сад! — рассуждал репейник. — Может быть, даже посадят в горшок; тесновато будет, ну, да зато почетно!

И репейник так увлекся этою мечтою, что уже с полною уверенностью говорил: «Я попаду в горшок!» — и обещал каждому своему цветочку, который появлялся вновь, что и он тоже попадет в горшок, а может быть, даже и в петлицу, — выше этого уж попасть было некуда! Но ни один из цветов не попал в горшок, не говоря уже о петлице. Они впивали в себя воздух и свет, солнечные лучи днем и капельки росы ночью, цвели, принимали визиты женихов — пчел и ос, которые искали приданного, цветочного сока, получали его и покидали цветы.

— Разбойники этакие! — говорил про них репейник. — Так бы и проколол их насквозь, да не могу!

Цветы поникали головками, блекли и увядали, но на смену им распускались новые.

— Вы являетесь как раз вовремя! — говорил им репейник. — Я с минуты на минуту жду пересадки туда, за решетку.

Невинные ромашки и мокричник слушали его с глубоким изумлением, искренне веря каждому его слову.

А старый осел, таскавший тележку молочницы, стоял на привязи у дороги и любовно косился на цветущий репейник, но веревка была коротка, и он никак не мог добраться до куста.

А репейник так много думал о своем родиче, шотландском репейнике, что под конец уверовал в свое происхождение из Шотландии и в то, что именно его-то родители и красовались в гербе страны. Великая то была мысль, но отчего бы такому большому репейнику и не иметь великих мыслей?

— Иной раз приходишь из такой знатной семьи, что не смеешь и догадываться о том! — сказала крапива, росшая неподалеку, у нее тоже было какое-то смутное ощущение, что при надлежащем уходе и она могла бы превратиться в кисею!

Лето прошло, прошла и осень, листья с деревьев пооблетели, цветы приобрели более яркую окраску, но почти утратили свой запах. Ученик садовника распевал в саду по ту сторону решетки:

— Вверх на горку,

— Вниз под горку

— Времечко бежит!

Молоденькие елочки в лесу начали уже томиться предрождественскою тоской, но до рождества было еще далеко.

— А я-то все еще здесь стою! — сказал репейник. — Никому как будто и дела до меня нет, а ведь я устроил свадьбу! Они обручились, да и поженились вот уже неделю тому назад! Что ж, сам я шагу не сделаю — не могу!

Прошло еще несколько недель. На репейнике красовался уже только один цветок, последний, но большой и пышный. Вырос он почти у самых корней, ветер обдавал его холодом, краски его поблекли, и чашечка, такая большая, словно у цветка артишока, напоминала теперь высеребренный подсолнечник.

В сад вышла молодая парочка, муж с женою. Они шли вдоль садовой решетки, и молодая женщина взглянула через нее.

— А вот он, большой репейник! Все еще стоит! — воскликнула она. — Но на нем нет больше цветов!

— Нет, видишь вон блаженную тень последнего! — сказал муж, указывая на высеребренный остаток цветка.

— А он все-таки красив! — сказала она. — Надо велеть вырезать такой на рамке вокруг нашего портрета.

И молодому мужу опять пришлось перелезть через решетку и сорвать цветок репейника. Цветок уколол ему пальцы, молодой человек ведь обозвал его «блаженной тенью». И вот цветок попал в сад, в дом и даже в залу, где висел портрет молодых супругов, написанный масляными красками. В петлице у молодого был изображен цветок репейника. Поговорили и об этом цветке и о том, который только что принесли; его решено было вырезать на рамке. Ветер подхватил эти речи и разнес их далеко-далеко по всей окрестности.

— Чего только не приходится пережить! — сказал репейник. — Мой первенец попал в петлицу, мой последыш попадет в рамку! Куда же попаду я?

А осел стоял у дороги и косился на него:

— Подойди же ко мне, сладостный мой! Я не могу подойти к тебе — веревка коротка!

Но репейник не отвечал; он все больше и больше погружался в думы. Так он продумал вплоть до рождества и наконец расцвел мыслью:

«Коли детки пристроены хорошо, родители могут постоять и за решеткою!»

— Вот это благородная мысль! — сказал солнечный луч. — Но и вы займете почетное место!

— В горшке или в рамке? — спросил репейник.

— В сказке! — ответил луч.

Вот она, эта сказка!

На чужих слезах своего счастья не построишь

Давняя эта история. Сумею ли вспомнить — не знаю... Жила в нашей деревне семья. Фамилия их была не то Федотовы, не то Федькины, а может, и Федуловы — этого уже никто не помнит. А приклеилось к ним деревенское прозвище — Гореваны. Самой старой в той семье Гореванов была бабка Гореваниха. Ей уж, почитай, лет 90 было, а то и больше. И вот ведь что удивительно: иной в деревне с молодых лет в Иванах или Настасьях ходит. А иному до глубокой старости Федюнькой или Петькой жить приходится. Гореваниху-то эту старую вся деревня Дуськой кликала. Так и говорили: «у Дуськи-Гореванихи».

Деревенские-то эту бабку не больно любили. Кто говорил про нее, что глаз у нее нехороший, а кто и прямо считал за колдунью. А Гореванами их не зря прозвали. Суди сам: у самой-то Дуськи девятнадцать душ детей было, да, почитай, в младенчестве все и померли. Одна дочь у Гореванихи и выросла — Глашка. У Глашки той из десяти детей тоже всего одна дочь выжила, а девять других росли-росли, а до 16 лет доживут — и в одночасье помрут. Да ведь и как, гореваны, умирали?

Один-то парень второпях на гвоздь ржавый наступил — да через день и нет его. Другой с косьбы вернулся, разгоряченный, да и лег на голый пол охолонуться, остыть, значит. А улегся как раз над погребом. Хоть и жара на улице, да из-под земли, из погреба, знать, не жаром тянет. Простудился — и второго нет.

Только дочку Глашки из всей семьи в деревне-то и любили. Девка она была добрая, веселая, да и она, почитай, семнадцати годов померла. Накануне своей свадьбы. Попарилась в баньке — да к жениху своему на свидание. А на улице — крещенские морозы были. Голову-то мокрую враз холодом и охватило. Утром уж в бреду металась, а к вечеру и отошла.

Вот и смекай: не зря — Гореваны... Так уж велось у них: детей вроде и много в избе, а работников одна Дуська -Гореваниха старая да правнучка ее. В честь прабабки ее тоже Евдокией назвали, только в деревне ее все больше Дуняшкой кликали.

Не зря я тебе про несчастья Гореванов этих сказывала. Не зря. Поговаривали в деревне, что наказал ее Господь, старую Гореваниху, за великий грех. Оттого и жила старуха и мучилась. А какой то был грех — все по-разному сказывали. Только я так думаю: не знал народ точно про нее да ее грех, вот и выдумывал, что пострашнее.

А теперь слушай мою историю-то. Она случилась, когда мне самой лет двенадцать было. Только на девичий хоровод мать отпускать начала. Заводилою у наших деревенских девчат как раз Дуняшка-Гореваниха и была: что песни играть, что в хороводе плясать — на все мастерица была.

Дело было летом, аккурат на Семик (это на неделе перед Троицей). Собирались девчата идти березоньку искать, какую под праздник убирать-наряжать следовало. Называлось это: «Заломать березку». Ломать-то ее никто, конечно, не собирался, а вот выбрать следовало самую красивую, самую стройную. Это уж на саму Троицу ее заплетать да лентами украшать положено.

Сколь девушек пошли — столь березок и выбрали. Каждой девице своя приглянулась. Да ведь одну украшать-то следовало. Стали было спорить, да как Дуняшкину березку увидели — смолкли. Хороша! Право слово, хороша! И стройна, и кудревата, и листочкам богата, а ствол такой белый, аж глаза слепит. Да и место себе хорошее выбрала: рядом ни одного деревца. Стоит горделиво и вроде на небольшом холмике.

Уговорились в субботу, накануне Троицы, березку завивать да праздник отмечать. А пока веток березовых в лесу наготовили, чтоб каждому стены своей избы к празднику украсить. Наготовили — и домой. Одна Дуняшка возле березки своей осталась. Расстаться с нею не может. Стволушко ее поглаживает, щекою к теплой коре прислоняется.

А ночью этой, как раз в четверг на семицкой неделе, и снится Дуняшке сон... Будто сидит она возле своей березки у холмика. Летняя ночь. Луна до того ярко светит, что все, как днем, видно. Ветерок так легонько веточки березовые колышет.

И вдруг слышит Дуняшка, вроде как вздыхает кто. Да так тяжело вздыхает, а голос жалостный, и как бы из-под земли. И ведь что удивительно: как вздохнет тот голос, так березонька будто вся затрепещет, задышит. Каждый листочек в лунном свете засверкает.

Вскочила на ноги Дуняшка, на березку смотрит, ничего понять не может. Страшно ей от голоса того жалостного, а ноги бежать прочь отказываются. Вдруг видит девка: встает из-под березки девица-красавица, одета в простой крестьянский сарафан, а только ткань-то сверкает сверху, будто серебром присыпана. От каждого движения сверкает одеяние неземною красотой. И ведь что в этом сне удивительно: будто Дуняшка все ясно так видит, а девица Дуняшку совсем не замечает, будто она ей невидима. Будто и нет ее рядом.

Слышит Дуняшка, красавица та с березкою, будто с подружкою, разговаривает, а та ей отвечает. Разговаривают девица с березкой, а Дуняшка слушает да удивляется. — Ты мне в прошлый раз про детство свое рассказывала, а сегодня обещаешь про любовь свою поведать. Не забыла?

Смекнула Дуняшка, что березка просит девицу историю свою рассказать, а та вроде так горько березке отвечает: — Помню-помню. Только вот история моя, хотя и про любовь, да и про печаль-кручину. Слушай, подруженька...

Я у матушки с батюшкой в любви жила, горя-печали не ведала. Выросла — в хороводе девичьем первой стала. Люди говорили: красавица. Только не загордилась я. Наоборот, подругам во всем уступала. Казалось мне, коль краше я, значит, должна я и добрее и рукодельнее быть, чтобы другим людям рядом со мной теплее жить стало. А и вправду, скоро о моем рукоделии многие судачили. Кто расхваливал, а кто и сетовал: зачем ей дар этот? С такую красотой будет ли она за ткацким станком сидеть, лен ткать? Говорили, мол, несправедлив Господь: одному — все, а другому — ничего. А особенно меня соседка недолюбливала. Её-то дочь ни лицом, ни мастерством — ничем не отличалась. Разве что, как мать, завистью.

Углядел меня раз в девичьем хороводе парень один из богатой деревни да и полюбил. Сунулся к родителям своим — а те: пока сами девку не увидим, да на работу ее не поглядим, и думать не смей! Не женихова это воля — жену выбирать. Мы, родители, лучше вас, молодых, знаем, какая должна быть жена.

И решили родители потихоньку, скрытно, к нам в деревню приехать да все обо мне разузнать. Раньше-то это в обычае было. Вот и приехали как-то зимой, да не по прямой дороге на санях вкатились, а круг деревни объехали, со двора прибыли. Да не к нам во двор, а в соседский. В дом вошли — и давай обо мне соседку выпытывать. А та быстро сообразила — и ну на меня напраслину возводить: и убога, и страшна, неуслужлива. Хрома, неумеха-нескладеха, а уж работница — вовсе никакая: ни лен трепать, ни полотно наткать —

ничегошеньки не умеет. С утра до ночи возле зеркала сидит, румянится да брови чернит. Квашня-квашней.

Услышали это жениховы-то родители — и на попятную, засобирались в дорогу обратную. А соседка их за стол сажает, обедом угощает, а на стол накрыть свою дочку посылает. Выпили гости бражки, опустошили чашки, да на хозяйскую дочь и глянули. Девка ничего, справная, услужливая. Не долго думая, и сговорились. Уж на февраль и свадьбу назначили.

Жених-то возражать и права не имел: сиди, стариков слушай, они пожилы, плохого не присоветуют. Улучил парень минуточку, пока сваты рукобитие отмечали, — и выскочил на улицу, да в соседский двор. Я у станка сидела, полотенце ткала. Как я его, милого, увидела — сердечко сжалось. Одно подумала: что же он без одежды? Уж не привиделось ли? Я ведь о нем, почитай, днем и ночью думала. На рукоделие смотрю, а перед глазами он стоит. Все мечтала, как меня посватают, как его женой буду. Как его родителей беречь да холить стану. А тут вот что... Рассказывает он мне, миленький мой, как просватали ему соседскую девку Дуньку, а сам плачет-рыдает. У меня сердечко словно морозом стукнуло. Замерло оно от горя такого. Но чтоб мил - сердешного друга не тревожить, сказала спокойно так: «Значит, так Богу угодно, живи с той, кого родители выбрали...»

Испугался он. От меня откачнулся даже, да как закричит: «Каменная ты! Не любишь ты меня!..» А сам вон из избы. И не помню я, что дальше-то было. В глазах потемнело. А сердце так больше и не стукнуло.

Когда их свадьбу в деревне играли, уж мне, почитай, сорок дней отмечали. Похоронили-то меня в сторонке от погоста, на пригорочке. А маменька моя тебя, подруженька, в лесу откопала да возле могилки моей и посадила. Уж сколько лет мы так-то с тобою вместе живем.

— А как жених-то твой? Неужто забыл любовь свою?

— Нет, подружка, не забыл. Меня он до последнего своего часа помнил и любил, на могилку мою приходил. Да ведь слезами горю не поможешь...

— А Дуська-то как же? Она-то сама счастливой оказалась?

— Да разве на чужих слезах свое счастье построишь? Нет. Всю жизнь горевала, да и теперь горюет. Ведь не зря ей Господь такую длинную дорогу отмерил. Это когда все ладно — дорога в радость, а когда несчастья да печали — тогда она в тягость. Да и прозвище у них на деревне — Гореваны.

— Сколько же лет им ещё, этим Гореванам, мыкаться? Когда им грех-то этот проститься? — Неужто она досель у тебя прощения не испросила?

— Прощения-то просила, и на могилку мою не раз приходила, да только просит без покаяния, да говорит без понимания. А ведь и надо-то только раз прийти на День Святой Троицы. Девичьи хороводы поглядеть, себя да меня молодыми вспомнить. Да душою своею моё горе и прочувствовать. Ведь Гореваниха у меня вместе с любовью и жизнь отняла. За то и платит...

Открыла

Дуняшка глаза — и не поймет: то ли было, то ли не было чудного того видения. С постели встала — да к своей пробабке Гореванихе. Всё ей поведала, что во сне привиделось. Ждет объяснений. А та молчит. В окно глазами смотрит — и молчит.

На Троицу Дуняшка рядом с девичьим хороводом бабку свою горемычную увидела. Парни ещё подсмеивались — вставай, бабка, в хоровод — краше всех девиц будешь.

После праздника все к реке бежали, венки свои в воду бросать, на суженого гадать. У березки-то одна Гореваниха старая осталась. Уж о чем она плакала, о чем просила — никто не слышал, никто не прознал. А только через три дня померла старая Гореваниха. Знать, простила её красавица.

ДОБРОТА И МИЛОСЕРДИЕ К ЛЮДЯМ

Висляткин ключ.

(Проклов день — 25 июля)

Приглядываюсь я: живут сейчас люди как-то рывками, с натугою. Проснулись утречком — порадоваться надо бы, сейчас радость от жизни почувствовать. А народ вперед бежит, как на горушку в один дых взбирается. Забежал наверх, а это и не горушка, а так, малый пригорочек. И опять воздух набрал и вперед, на следующую горушку. Так всю жизнь и не живет, а дыхом замирает. Ему бы осмотреться круг себя, а он только пыль да камни под ногами и видит.

Раньше-то жизнь спокойнее текла, надежнее как -то. Оттого и народ был рассудительнее да желаннее. Хотя и в старые времена такие суетливые тоже были. Вот я тебе историю расскажу, про Висляткин ключ.

Жили-поживали муж с женою. Жили меж собою ладно, да все как-то нескладно. Работали — не ленились, с утра до ночи трудились, зато у них и денежки водились. Да все не могли они решить, что им с этими деньгами делать. Муж все мельницу хотел купить, а хозяйка-то во сне новый дом видела. Бывало, вечерком-то сядут вдвоем возле стола, свечку зажгут и все спорят-спорят.

А на печи тихо-тихо дедушка старый да внучка Аннушка сидят, вниз на мужа да жену глядят, и дивно им: неужто не об чем им больше говорить? Дед старый был, уж плохо видел, но сказок знал превеликое множество. Все Аннушке их сказывал. Но сказки-то днем были, а по вечерам старый да малый это представление слушали. Так бы и жили. Только вот как-то ранним утром толкает дед внучку да и говорит тихо:

— Аннушка, глянь-ка, все еще ночь на дворе или уже утро? Скоро ль светать-то будет? Глянула девочка — а дед совсем ничего не видит: ослеп, старый. Ну, как есть, ничего не видит. С тех пор совсем трудно стало старому да малому. Родители-то могли бы и полечить старика от слепоты этой, да денег жалко. Сын-то сначала заикнулся, мол, в городе врач хороший имеется. Да жена на мужа шикнула: еще чего?! Старикам и положено слепнуть да на печи тиховать! Все бы на это денежки тратить! Дед совсем поскуцнел, помирать собрался. Иной раз взглянет на него Аннушка, а по его щеке из незрячих-то глаз крупная слезинка катится.

Дедуня, плачешь, что ли? — спросит внучка, а дед то скрывает.

— Нет, милушка, чевой-то в глазах засвербило, должно от дыма.

А дыма-то как раз никого в доме и нет.

А уж потом молодые то старика и вовсе обижать стали: то забудут рубаху поменять, а то картоху так поджарят, что дед своим беззубым ртом хрустящие кусочки только обсасывает.

А то начнут стыдить, мол, помирать пора, а ты всё за жизнь хватаешься.

Аннушка, добрая душа, деду как могла помогала: хлеба в миску покрошит или рыбные косточки из уха выловит. Но и у неё вечером сердечко ойкнуло, как услышала она: родители про богадельню для старика разговаривали. Была неподалеку такая богадельня, где одинокие старики жизнь свою доживали. Отец - то увещевать жену пытался: не одинокий ведь наш старик. А жена: а мы его к богадельне на лошади подвезем — и оставим у ворот. Небось, не прогонят слепого-то.

Как Аннушка услышала разговор этот, тихо с печи спустилась, чтобы деда-то не разбудить — и к столу.

— Мамушка, папенька,

— просит, — не отправляйте дедуню в богадельню. Он там без меня помрет. А я ему и свежего сенца в подушку набью, и водичкой напою. А хотите — стирать его бельё буду. Не надо дедунюшку чужим людям-то подкидывать!

Рассерчали, слышь, родители-то, мать даже ногами затопала на Аннушку: куда, мол, тебе, соплюхе, нашей волей командовать?! Сиди на печи, да в две дырочки сопи!

Всю ночь Аннушка проплакала, а к утру решила. Встала она спозаранку, отыскала в

чулане кринку глиняную да и пошла вон из дома. А на улице роса, как на травушке слеза, холодная. А девочка-то босиком. И направилась Аннушка к Висляткину ключу, за заветною водою целебной. День-то этот был непростой: Проклов день, 25 июля. День, когда росы да воды ключевые целебными становятся, слепоту вылечить помогают.

Это только сказать легко — к Висляткину ключу. А идти туда верст семь. Для маленькой-то девочки немало будет. Идет Аннушка, а пальчики-то на ножках совсем заоченели. Росы-то эти для глаз целебны, а сами холодны — как по ключевой ледяной водице пяточки-то красные топают.

А потом лесная дорога пошла, с ухабами да канавами. А уж под конец — тропинка с пнями да корягами. А что страху-то — сам знаешь, коли один по лесу дремучему брел. Дошла до Висляткина ключа, набрала водицы в кринку, сама ладошкой попила, а сил домой идти нету. Вот и присела она возле воды да и задремала, добрая душа.

И вдруг показалось ей, будто из ключа того мальчик маленький вышел — да к ней.

— Зачем, — говорит, — пожаловала?

Аннушка не испугалась: чай, не зверь какой — мальчик. Да все ему про дедуню и рассказала. — Да, — говорит мальчик, — важное у тебя дело. Деду глаза вернуть надобно. Да и родителям тоже не помешало бы. — А сам так тяжело вздыхает.

— А ты чего вздыхаешь? — спрашивает его Аннушка.

— Никому раньше не сказывал, тебе поведаю. Знаешь ли, почему этот заветный ключ Висляткиным-то зовется. Висляткою это меня прозвали, когда я среди людей жил. Родители мои давно померли, а жил я у дальнего сродственника, дядьки Силыча. Ох и жаден дядька был, досыта ни родных, ни скотину не кормил. Всё деньги в кубышку складывал. Коровы хоть на лугу травку пощиплют, а где люди-то поедят, особливо ежели они маленькие? Ну и стал я, будто невзначай, каждый вечер то к одному, то к другому деревенскому парнишке забегать. Да все норовлю к ужину поспеть, ну, меня люди Висляткою и прозвали. Висляткою то называли мальчика, ежели он в чужом доме сидит да на стол обеденный глядит. Вот и приходится хозяевам за стол того Вислятку сажать да чем Бог послал угощать. Кормить-то кормили, а Висляткою прозвали. А разве ж я виноват, что дядька Силыч деньги копил, а нас голодом морил?

Не выдержал я, сбежал от него в лес. Сколь меня потом ни искали — так и не нашли. А я вот здесь из сил выбился, на землю лег и уснул навсегда. А с тех пор на этом месте бьет ключ. Его по моему прозвищу Висляткиным назвали. Ну, пошел я. Пора домой возвращаться. А ты не робей, моя ключевая водица твоему деду глаза вернет. Ты потом еще меня добрым словом вспоминать станешь.

— А как имя-то твое? Не Висляткой же тебя вспоминать?

— А имя мое простое да короткое — Проклом меня раньше-то звали. В мои именины ты сегодня угодила. Я ведь лишь раз в году, в свои именины, 25 июля подышать лесным воздухом выхожу. Ну, прощай!

— Прощай, Прокл! — сказала Аннушка да и проснулась. Сразу поняла, что может обратно идти: то ли сном усталость прошла, то ли водою целебною силы прибавились. Поклонилась она низко Висляткиному ключу, взяла кринку с водою — да в путь.

Без воды идти тяжело было, а уж с водою ещё труднее. Одно только сердце-то и греет, что для дедуни это, чтобы поправился он. Тяжко ей пришлось в пути, но, как совсем из сил выбьется, так ей вроде голос Прокла слышится: «Ты иди, иди, Аннушка, не робей. Моя ключевая водица твоему деду глаза вылечит». Так и шла до самого вечера. Уж солнце село, когда она к своему дому подошла.

А в деревне уж с обеда переполох: Аннушка в лес ушла и пропала. Мужики-то по лесу, слышь, гребнем прошли: шли, значит, цепочкою, так, чтобы друг друга видно было. Вроде как лес тем гребнем прочесывали. Бабы в лес ходили, кричали-аукали. Нет Аннушки. А мать-то ее с отцом места себе не находят. Дед и тот с печки слез, никто его обратно не гонит.

А к вечеру — Аннушка тут как тут. Вошла в избу, кринку возле порожка на пол поставила, да и — бух сама возле кринки на пол. Ее родные раздевают, в постель укладывают, а она им

одно твердит:

— Это дедуношке целебная вода глаза лечить. Это мне Прокл дал, нести приказал.

Девочку уложили, а дед на печку лег, а сам всё вздыхает да приговаривает: «Добрая душа, ох, добрая душа». Уж о чем той ночью отец с матерью договорились — не знаю, а только утром, как Аннушка проснулась, так и увидела дедуню своего. Сидел он у стола в чистой рубахе, умытый, причесанный. Испугалась было внучка, что дедуню в богадельню собрали, да мать успокоила. Дома дед останется. Навсегда. Обедать за столом, как все, будет, а на печи лежать- только когда кости болят али холодно.

— А водички-то, водички из Висляткина ключа пробовал? Глаза промывал?

— Промывал, промывал, добрая душа! — отвечает ей дедуня. — Только я и без того вижу всё. Я, милый друг, сердцем вижу. Да и родители от этой воды, видать, прозрели.

С тех пор в Проклов день ходят люди к Висляткину ключу за целебную водою. Кто в кринку, кто в ведро воды набирает. А кто так ладошкой загребает. Вода та ключевая и глаза, и сердце людям лечит. Целебная она значит.

Напоминание

Ехал один молодой человек на новом сверкающем «ягуаре» в прекрасном настроении, напевая какую-то мелодию. Вдруг увидел он детей, сидящих у дороги. После того, как он, осторожно объехав их, собрался снова набирать скорость, он вдруг услышал, как в машину ударился камень. Молодой человек остановил машину, вышел из нее, и, схватив одного из мальчишек за шиворот, начал его трясти с криком:

— Паршивец! Какого чёрта ты бросил в мою машину камень! Ты знаешь, сколько стоит эта машина?

— Простите меня, мистер, — ответил мальчик. — У меня не было намерения причинить вред вам и вашей машине. Дело в том, что мой брат — инвалид, он вывалился из коляски, но я не могу поднять его, он слишком тяжелый для меня. Уже несколько часов мы просим помощи, но ни одна машина не остановилась. У меня не было другого выхода, кроме как бросить камень, иначе вы бы тоже не остановились.

Молодой человек помог усадить инвалида в кресло, пытаясь сдержать слёзы и подавить подступающий к горлу ком. Затем он пошёл к своей машине и увидел вмятину на новенькой блестящей двери, оставшуюся от камня.

Он ездил многие годы на этой машине, и всякий раз говорил "нет» механикам на предложение отремонтировать эту вмятину на дверце, потому что она каждый раз напоминала ему о том, что если ты проигнорируешь шёпот, в тебя полетит камень.

«Хрупкие подарки»

Как - то в одно селение пришел и остался жить старый мудрый человек. Он любил детей и проводил с ними много времени. Еще он любил делать им подарки, но дарил только хрупкие вещи. Как ни старались дети быть аккуратными, их новые игрушки часто ломались. Дети расстраивались и горько плакали. Проходило какое- то время, мудрец снова дарил им игрушки, но еще более хрупкие.

Однажды родители не выдержали и пришли к нему:

— Ты мудр и желаешь нашим детям только добра. Но зачем ты делаешь им такие подарки? Они стараются, как могут, но игрушки все равно ломаются, и дети плачут. А ведь игрушки так прекрасны, что не играть с ними невозможно.

— Пройдет совсем немного лет, — улыбнулся старец, — и кто-то подарит им свое сердце. Может быть, это научит их обращаться с этим бесценным даром хоть немного аккуратней?

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ

Ревность Евы

Ева прогуливалась по Эдемскому саду, когда её настиг змей.

— Съешь это яблоко, — сказал он. Ева, наученная Богом, отказалась.

— Съешь это яблоко, — настаивал змей. — Так ты станешь более красивой для своего мужа.

— Мне это не нужно, — ответила Ева. — У него нет никого другого, кроме меня.

Змей засмеялся:

— Конечно, есть.

Поскольку Ева не поверила ему, он отвел её на холм, где был колодец.

— Она там, внизу. Именно здесь Адам спрятал её. Ева взглянула вниз и увидела красивую женщину, отражённую в воде. А затем она съела яблоко, предложенное змеем.

Вишневый сад

Однажды к Хинг Ши пришел крестьянин, смущаясь, поведал мудрецу о своей беде:

— Учитель, мне стыдно признаться, но я страшно ревнив. Ведь, зная о том, что жена моя верна мне, что она любящая и честная женщина, я ежедневно терзаюсь муками ревности. Даже во сне мне снятся возможные соперники и их козни. Я измучен своими терзаниями. Скажи, как мне избавиться от этой напасти?

Хинг Ши немного подумал и сказал:

— Я слышал, что жил на юге один человек, которому в наследство достался прекрасный вишневый сад. Раскидистые ветви деревьев цвели по весне так, что всю округу тонким ковром устилали нежно-розовые лепестки. Человек этот бережно ухаживал за своим садом, поливал и окучивал деревья, выстроил прочную ограду и каждый раз собирал богатый урожай. И так продолжалось до тех пор, пока не пришел к нему однажды недобрый человек и не сказал: «Какой у тебя прекрасный сад. Жаль только, что, наверняка, в него по ночам частенько заглядывают воры». Потом злой человек ушёл, слова его остались, запав в душу садовника. С той поры потерял бедняга покой и сон. Ночами сидел он в саду, поджидая воров, а днём, измождённый ночными бдениями, спал. Спустя какое-то время, деревья, за которыми больше никто не ухаживал и не поливал, стали чахнуть, да и ограда постепенно прохудилась. Ну, а в саду по-прежнему по ночам сидел безумный садовник, давно забывший о вкусе вишневых ягод.

ПРОБЛЕМА САМООЦЕНКИ

Кто же счастливейшая

— Какие чудные розы! — сказал солнечный луч. — И каждый бутон распустится и будет такою же чудною розою! Все они — мои детки! Мои поцелуи вызвали их к жизни!

— Нет, это мои детки! — сказала роса. — Я кропила их своими слезами!

— А мне так кажется, что они мои родные детки! — сказал розовый куст. — Вы же только крестные отец и мать, одарившие моих деточек кто чем мог.

— Мои прелестные детки! — сказали все трое в один голос и пожелали каждому цветку всякого счастья. Но только один из них мог оказаться самым счастливым из всех и один — наименее счастливым.

Кто же именно?

— Вот я узнаю это! — сказал ветер. — Я летаю по всюду, проникаю в самые узкие щели, знаю, что делается и внутри, и снаружи домов.

Каждая роза слышала, каждый бутон понял сказанное. В сад пришла печальная мать в трауре и сорвала одну свежую полураспустившуюся розу, которая показалась ей прекраснейшею из всех. Мать принесла цветок в тихую, безмолвную комнату, в которой несколько дней тому назад резвилась ее веселая, жизнерадостная дочка. А теперь же девочка покоилась, словно спящее мраморное изваяние, в черном гробу. Мать поцеловала умершую, поцеловала и полураспустившуюся розу и положила ее на грудь девочки, как бы надеясь, что свежий цветок, освященный поцелуем матери, заставит снова забиться ее сердечко.

И роза так и расцвела вся, пышно развернула свои лепестки, колебавшиеся от радостной мысли: «Какою любовью озарился путь моей жизни! Я как будто стала человеческим ребенком — мать поцеловала меня и благословила в путь — в неведомую страну! И я отправлюсь туда, покоясь на груди умершей! Конечно, я счастливейшая из всех моих сестер»!

Потом пришла в сад старая полотьщица гряд; она тоже залюбовалась красотой куста и глаз не могла оторвать от самой большой, вполне распустившейся розы. Капля росы да один жаркий день еще — и лепестки опадут! Вот как рассуждала женщина и нашла, что роза покрасовалась довольно — пора было извлечь из нее пользу. И вот она сорвала цветок, завернула его в газетную бумагу и отнесла домой, чтобы набальзамировать солью вместе с другими розами и смешать с засушенной голубой лавандой — выйдет чудесная душистая смесь! Такой чести, как бальзамирование, удостоиваются только розы да короли!

— Мне выпал на долю высший почет! — сказала роза, которую сорвала полотьщица. — Я счастливейшая! Меня набальзамируют!

Затем явились двое молодых людей: один — художник, другой — поэт. Каждый сорвал себе по прекрасной розе.

Художник изобразил цветущую розу на холсте, так что она увидела себя как в зеркале.

— Таким образом, — сказал художник, — она будет жить многие годы, в продолжение которых успеют завясть и умереть миллионы и миллионы роз!

— Мне посчастливилось больше всех! — сказала роза. — Я достигла высшего счастья!

Поэт полюбовался на свою розу и написал о ней стихи, целую поэму, в которой высказал все, что прочел на ее лепестках. Вышла бессмертная поэма — «Альбом любви».

— Он обессмертил меня! — сказала роза. — Я счастливейшая!

Но среди этой массы прекрасных роз была одна, которая как-то заслонялась другими; по воле случая — может быть, и счастливого — у неё был изъян: она криво сидела на стебельке, лепестки её были расположены не совсем симметрично, и из середины чашечки выглядывал маленький свернутый зеленый листок. Случаются подобные изъяны и у роз.

— Бедное дитя! — говорил ветер и целовал ее в щечку, а роза думала, что он приветствует, чествует ее. Она сама чувствовала, что сложена как-то иначе, нежели другие розы, что из чашечки ее выглядывает зеленый листок, но смотрела на это не как на изъян, а как на отличие. Вот на нее вспорхнул мотылек и поцеловал её лепестки; это был жених, но она не

стала удерживать его. Потом явился огромный кузнечик: он уселся на другую розу и принялся влюбленно потирать ножки — это признак влюбленности у кузнечиков. Роза, на которой он сидел, не поняла этого; зато поняла роза с изъёмом — свернутым зеленым листком; на нее-то как раз и уставился кузнечик, а глаза его так и говорили: «Съел бы я тебя от пущей любви!» А уж известно, дальше этого никакая любовь не может идти: один исчезает в другом! Но роза не имела ни малейшего желания исчезнуть в этом прыгуне. Звездной ночью запел соловей.

— Это он для меня поет! — сказала роза с изъёмом — или с отличием. — И за что это меня во всем постоянно отличают от других сестер! Почему именно мне выпало на долю это отличие, благодаря которому я стала счастливейшей?

Тут в сад зашли два господина; они курили сигары и вели разговор о розах и табаке: правда ли, что розы не переносят табачного дыма — зеленеют? Надо было произвести опыт. Но они пожалели красивейшие розы и взяли для опыта розу с изъёмом.

— Вот новое отличие! — сказала она. — Я уж чересчур счастлива! Я счастливейшая из счастливейших!

И она вся позеленела от этого сознания и табачного дыма.

Одна из роз, едва начавшая распускаться и, может быть, самая прекрасная на всем кусте, заняла почетное место в искусно подобранном садовником букете. Букет отнесли важному молодому господину, владельцу дома и сада, и тот повез его с собою в карете. Роза сидела между другими цветами и зеленью, словно царица красоты. И вот она очутилась на блестящем празднике. Повсюду сидели разряженные мужчины и дамы, залитые светом тысяч ламп. Музыка гремела, театр утопал в море света. При восторженных криках зрителей на сцену выпорхнула юная танцовщица - любимица публики, и к ногам ее посыпался целый дождь цветов. Упал к ее ногам и букет с розой, сиявшей в его середине как драгоценный камень. Роза чувствовала всю честь, всё безмерное счастье, выпавшее ей на долю, но вот букет коснулся пола, стебелек её переломился, она выскочила из букета и покатилась по полу. Не пришлось ей попасть в руки виновницы торжества — она откатилась за кулисы. Там увидел ее машинист и поднял. Она была так хороша, так чудно пахла, но стебелька у нее не было! Он взял и положил ее прямо в карман, а потом отнес домой. Там роза очутилась в рюмке с водою и пролежала в ней всю ночь. Рано утром её поставили на стол перед старою бабушкою, беспомощно сидевшею в кресле. Как она любовалась прекрасною розою без стебелька, как наслаждалась ее запахом!

— Да, ты не попала на роскошный стол важной барышни, попала к бедной старухе! Зато здесь ты заменяешь целый розовый куст! Как ты хороша!

И старушка с детскою радостью смотрела на цветок, вероятно, вспоминая при этом свою давно минувшую юность.

— В оконном стекле была дырочка! — рассказывал ветер. — Я легко пробрался через нее и видел, каким молодым блеском сияли глаза старушки, любовавшейся на розу без стебелька в рюмке с водою. Я знаю, которая из роз была счастливее всех! Я могу рассказать это!

У каждой розы была, таким образом, своя история, каждая верила, что она счастливейшая, а ведь блажен, кто верует!.. Но последняя из роз на кусте все-таки считала себя самою счастливейшею.

— Я пережила всех! Я последнее, единственное, любимейшее дитя у отца!

— И я — отец им всем! — сказал розовый куст.

— Нет, я! — возразил солнечный свет.

— Нет, я! — сказали в один голос ветер в погода.

— Каждый имеет на них свои права! — сказал ветер. — И каждый получит свою долю! — И он развеял лепестки, окропленные сиявшими в лучах солнца капельками росы. — И мне кое-что досталось! — прибавил он. — Я узнал историю каждой розы и разнесу их по всему свету!

Так вот, которая же из роз счастливейшая? Да, скажите-ка это мне вы, я уже сказал довольно!

Красавица.

По дороге шла девушка, прекрасная, как фея. Вдруг она заметила, что следом за ней идет мужчина. Она обернулась и спросила:

— Скажи, зачем ты идешь за мной?

Мужчина ответил:

— О повелительница моего сердца, твои чары столь неотразимы, что повелевают мне следовать за тобой. Про меня говорят, что я прекрасно играю на лютне, что посвящен в тайны искусства поэзии и что умею в сердцах женщин пробуждать муку любви. А тебе я хочу объясниться в любви, потому что ты пленила моё сердце!

Красавица молча смотрела некоторое время на него, потом сказала:

— Как ты мог влюбиться в меня? Моя младшая сестра гораздо красивее и привлекательнее меня. Она идёт за мной, посмотри на неё.

Мужчина остановился, потом обернулся, но увидел только безобразную старуху в заплатанной накидке. Тогда он ускорил шаги, чтобы догнать девушку. Опустив глаза, он спросил голосом, выражающим покорность;

— Скажи мне, как ложь могла сорваться у тебя с языка?

Она улыбнулась и ответила:

— Ты, мой друг, тоже не сказал мне правду, когда клялся в любви. Ты знаешь в совершенстве все правила любви и делаешь вид, что твоё сердце пылает от любви ко мне. Как же ты мог обернуться, чтобы посмотреть на другую женщину?

Младшая дочь вождя

Однажды два моряка отправились в странствие по свету, чтобы найти свою судьбу.

Приплыли они на остров, где у вождя одного из племён было две дочери. Старшая - красавица, а младшая — не очень.

Один из моряков сказал своему другу:

— Все, я нашёл свое счастье, остаюсь здесь и женюсь на дочери вождя.

— Да, ты прав, старшая дочь вождя — красавица, умница. Ты сделал правильный выбор — женись.

— Ты меня не понял, друг! Я женюсь на младшей дочери вождя.

— Ты что, с ума сошел? Она же такая... не очень.

— Это мое решение, и я это сделаю.

Друг поплыл дальше в поисках своего счастья, а жених

пошел свататься. Надо сказать, что в племени принято давать за невесту выкуп коровами.

Хорошая невеста стоила десять коров.

Пригнал он десять коров и подошёл к вождю.

Вождь, я хочу взять замуж твою дочь и даю за нее десять коров!

— Это хороший выбор. Моя старшая дочь красавица, умница, и она стоит десяти коров. Я согласен.

— Нет, вождь, ты не понял. Я хочу жениться на твоей младшей дочери.

— Ты что, шутишь? Не видишь, она же такая... не очень.

— Я хочу жениться именно на ней.

— Хорошо, но, как честный человек, я не могу взять десять коров, она этого не стоит. Я возьму за нее три коровы, не больше.

— Нет, я хочу заплатить именно десять коров.

Они поженились. Прошло несколько лет, и странствующий друг уже на своём корабле решил навестить оставшегося товарища и узнать, как у него жизнь. Приплыл, идет по берегу, а навстречу женщина неземной красоты.

Он ее спросил, как найти его друга. Она показала. Приходит и видит: сидит его друг, вокруг детишки бегают.

— Как живешь?

— Я счастлив.

Тут входит та самая красивая женщина.

— Вот, познакомься. Это моя жена.

— Как? Ты что, женился еще раз?

— Нет, это всё та же женщина.

— Но как это произошло, что она так изменилась?

— А ты спроси у нее сам.

Подошел друг к женщине и спрашивает:

— Извини за беспокойство, но я помню, какая ты была... не очень. Что произошло, что ты стала такой прекрасной?

— Просто однажды я поняла, что стою десяти коров.

Краше та, которая нравится

Привели жениха к родне невесты. Принес он в подарок барана и сладости. Спрашивают братья невесты жениха:

— Почему ты выбрал в невесты нашу сестру? И ответил им жених сказкой - притчей.

Давным-давно страшный, огромный дракон — аждаха захватил единственный в Аварии источник. Люди остались без воды. Женщины плакали, дети стонали от жажды. Самые смелые и сильные джигиты набрасывались на чудовище с саблями в руках, но он всех сметал ударами длинного хвоста. Аждаха построил у источника громадный красивый дворец. Огородил его частоколом и насаживал на него головы убитых.

Люди были в отчаянии. Кто же победит страшного дракона?

В то время родился у бедной вдовы сын. Он ходил пить воду из источника по ночам. И набрался небывалой силы, смелости и удачи. Видел он, как безобразничал у источника аждаха, и возненавидел его. И поклялся перед всем народом освободить от чудовища страну.

Мать, родственники, соседи и друзья долго отговаривал его:

— Ты только вырос. Ещё молод. Погибнешь во цвете лет. Пожалей себя!

Но юноша сел на коня и отправился сразиться с чудовищем.

Аждаха уже издали почуял его и заревел страшным голосом:

— Это кто осмелился приблизиться к источнику?!

— Я хочу сразиться с тобой, чудовище окаянное! — гордо ответил юноша.

Аждаха загоготал:

— Безумный! Разве тебе неизвестно, что я не сражаюсь оружием? Ты должен знать, что нет в мире никого, равного мне по силе. Всем своим противникам я задаю только один вопрос.

Если он не сможет ответить на него правильно, то я убиваю его одним ударом своего огромного хвоста! А если ты ответишь правильно, то я тут же сам и погибну!

— Хорошо! Я согласен! — отвечает юноша — Задавай вопрос!

Аждаха громко зарычал, и в окне его дворца показалось две женщины. Одна — невероятно ослепительная красавица, другая — обыкновенная простая женщина.

— Которая из них краше? — спросил аждаха.

Юноша посмотрел на женщин и ответил:

— Краше та, которая тебе больше нравится

— Ты прав! — прохрипел аждаха и испустил дух.

Так Авария была избавлена от чудовища. Закончил жених сказку и сказал: "Мне ваша сестра нравится!"

— Ты прав! — воскликнули братья невесты. И произнесли они слова молитвы за молодожена:

— Да благословит тебя Аллах, и да ниспошлёт Он тебе Свои благословения, и да соединит Он вас во благе!

«ЛЮБОВЬ, ЧТО ДВИЖЕТ СОЛНЦЕ И СВЕТИЛА...»

«Первый Ангел»

За день до своего рождения ребенок спросил у Бога:

— Я не знаю, зачем иду в этот мир. Что я должен делать?

Бог ответил:

— Я подарю тебе Ангела, который всегда будет рядом с тобой. Он все тебе объяснит.

— Но как я пойму его, ведь я не знаю его языка?

— Ангел будет учить тебя своему языку. Он будет охранять тебя от всех бед.

— Как и когда я должен вернуться к тебе?

— Твой Ангел скажет тебе все.

— А как зовут моего ангела?

— Неважно, как его зовут, у него много имен. Ты будешь называть его Мама.

Что такое любовь?

Послушник обратился к учителю с вопросом:

— Что такое любовь?

— Представь себе воду. Морская стихия может быть тихой гладью, ласкающей глаз, отражающей солнечные лучи и рождающей игривые блики. Может быть и бушующей смертью, топящей корабли, смывающей с лица земли маленькие деревеньки и большие города. Может обрушиться с небес и возродить пустыню, а может погубить всё живое на многие мили вокруг жестоким потопом. Может оказаться той каплей влаги, способной сохранить жизнь в пустыне, а может оказаться последней каплей терпения. Все это и есть любовь.

Щедрое дерево

Жила в лесу дикая яблоня. И любила яблоня маленького мальчика. И мальчик каждый день прибежал к яблоне, собирал падавшие с неё листья, плёл из них венки, надевал его, как корону, играл в лесного короля. Он взбирался по стволу яблони и качался на её ветках. А потом они играли в прятки и, когда мальчик уставал, он засыпал в тени её ветвей. И яблоня была счастлива.

Но шло время, и мальчик подрастал, и всё чаще яблоня коротала дни в одиночестве.

Как-то раз пришел мальчик к яблоне. И яблоня сказала:

— Иды сюда, мальчик, покачайся на моих ветках, поешь моих яблок, поиграй со мной, и нам будет хорошо!

— Я слишком взрослый, чтобы лазать по деревьям, — ответил мальчик. — Мне хотелось бы других развлечений. Но на это нужны деньги, а разве ты можешь мне дать их?

— Я бы рада, — вздохнула яблоня, — но у меня нет денег, одна только листва и яблоки.

Возьми мои яблоки и продай их в городе, тогда у тебя будут деньги. И ты будешь счастлив!

И мальчик залез на яблоню и сорвал все яблоки, и унёс их с собой. И яблоня была счастлива.

После этого мальчик долго не приходил, и яблоня опять загрустила. И когда однажды мальчик пришёл, яблоня так и задрожала от радости.

— Иди скорей сюда, малыш! — воскликнула она. — Покачайся на моих ветках, и нам будет хорошо!

— У меня слишком много забот, чтобы лазать по деревьям, — ответил мальчик. — Мне хотелось бы иметь семью, завести детей. Но для этого нужен дом, а у меня нет лома. Ты можешь дать мне дом?

— Я бы рада, — вздохнула яблоня, — но у меня нет дома. Мой дом — мой лес. Но зато у меня есть ветки. Сруби их и построй себе дом. И ты будешь счастлив. И мальчик срубил её

ветки и унёс их с собой, и построил себе дом. И яблоня была счастлива. После этого мальчик долго-долго не приходил. А когда явился, яблоня чуть не онемела от радости.

— Иди сюда, мальчик, — прошептала она, — поиграй со мной.

— Я уже слишком стар, мне грустно и не до игр, — ответил мальчик. — Я хотел бы построить лодку и уплыть на ней далеко-далеко. Но разве ты можешь мне дать лодку?

— Спили мой ствол и сделай себе лодку, — сказала яблоня, — и ты сможешь уплыть на ней далеко-далеко. И ты будешь счастливым. И тогда мальчик спилил ствол и сделал из него лодку. И уплыл далеко-далеко. И яблоня была счастлива.

Хоть в это и нелегко поверить.

Прошло много времени. И мальчик снова пришёл к яблоне.

— Прости, мальчик, — вздохнула яблоня, — но я больше ничего не могу тебе дать. Нет у меня яблочка.

— На что мне яблоки? — ответил мальчик. — У меня почти не осталось зубов.

— У меня не осталось ветвей, — сказала яблоня. — Ты не сможешь посидеть на них.

— Я слишком стар, чтобы качаться на ветках, — ответил мальчик.

— У меня не осталось ствола, — сказала яблоня. — И тебе не по чему больше взбираться вверх.

— Я слишком устал, чтобы взбираться вверх, — ответил мальчик.

— Прости, — вздохнула яблоня, — мне бы очень хотелось дать тебе хоть что-нибудь, но у меня ничего не осталось. Я теперь только старый пенёк. Прости.

— А мне теперь много и не нужно, — ответил мальчик. — Мне бы теперь только тихое да спокойное место, чтобы посидеть и отдохнуть. Я очень устал.

— Ну что ж, — сказала яблоня, — старый пенёк для этого как раз и годится. Иди сюда, мальчик, садись и отдыхай.

Так мальчик и сделал. И яблоня была счастлива.

Мотылек

Мотылек вздумал жениться. Конечно, ему хотелось взять за себя хорошенький цветочек. Он посмотрел кругом: цветочки сидели на своих стебельках тихо, скромно, как и подобает еще непросватанным барышням; но выбрать было ужасно трудно — так много их тут росло.

Мотыльку скоро надоело раздумывать, и он порхнул к полевой ромашке. Французы зовут ее маргариткой и уверяют, что она умеет ворожить. По крайней мере влюбленные всегда прибегают к ней, обрывают лепесток за лепестком и приговаривают: «Любит всем сердцем? Всею душою? Очень? Чуть-чуть? Ни капли?» — или нечто в этом роде; всякий ведь спрашивает по-своему. И мотылек тоже обратился к ромашке, но не стал обрывать лепестков, а перецеловал их, думая, что всегда лучше действовать лаской.

— Матушка маргаритка, полевая ромашка, мудрейшая из цветов! — сказал он. — Вы умеете ворожить! Укажите же мне мою суженую! Тогда по крайней мере я сразу могу посвататься. Но ромашка молчала — она обиделась. Она была девицей, а ее вдруг назвали матушкой — как вам это нравится?

Мотылек спросил еще раз, потом еще, ответа все не было. Он соскучился и полетел прямо свататься.

Это было раннею весной; всюду цвели подснежники и крокусы.

— Недурны! — сказал мотылек. — Миленькие подросточки! Только... зеленоваты больно!

Мотылек, как и все юноши, искал девиц постарше.

Потом он оглядел других и нашел, что анемоны горьковаты, фиалки немножко сентиментальны, тюльпаны — щеголихи, нарциссы простоваты, липовые цветы и малы, да и родни у них пропасть, яблоневые цветы, конечно, чуть-чуть не розы, но уж чересчур недолговечны: ветром пахнуло, и нет их, стоит ли тут жениться? Горошек понравился ему больше всех: бело-розовый, просто кровь с молоком, нежный, изящный, да и на кухне не ударит лицом в грязь, — словом, девица хоть куда! Мотылек совсем было уж собрался

посвататься, да вдруг увидал рядом стручок с увядшим цветком.

— Это... кто же? — спросил он.

— Сестрица моя! — отвечал горошек.

— Так потом и вы такая же будете?

Мотылек испугался и поскорее улетел прочь.

Через изгородь перевешивалась целая толпа каприфолий; но эти барышни с вытянутыми желтыми физиономиями были ему совсем не по вкусу. Да, но что же было ему по вкусу?

Подите узнайте!

Весна прошла, прошло и лето, настала осень, а мотылек не подвинулся со своим сватовством ни на шаг. Появились новые цветы в роскошных нарядах, но что толку? С годами сердце все больше и больше начинает тосковать о весенней свежести, об оживляющем аромате юности, а не искать же их у осенних георгин и штокроз! И мотылек полетел к кудрявой мяте.

— На ней нет никаких особых цветов, но она вся один сплошной благоухающий цвет, ее я и возьму в жены!

И он посватался.

Но мята не шелохнула листочком и только сказала:

— Дружба — и больше ничего! Мы оба старые; друзьями мы еще можем быть, но пожениться?.. Нет, что за дурачество на старости лет?

Так мотылек и остался ни с чем. Он уж чересчур много выбирал, а это не годится, — вот и остался старым холостяком.

Скоро налетела непогода с дождем и изморозью; поднялся холодный ветер; дрожь пробирала старые, скрипучие ивы. Не сладко было разгуливать по такому холоду в летнем платье. Но мотылек и не разгуливал, ему как-то удалось залететь в комнату; там топилась печка, и было тепло, как летом. Жить бы да поживать здесь мотыльку. Но что это за жизнь?

— Мне нужны солнце, свобода и хоть маленький цветочек! — сказал мотылек, полетел и ударился об оконное стекло.

Тут его увидели, пришли от него в восторг и посадили на булавку в ящичек с прочими редкостями. Большого для него уж не могли сделать.

— Теперь и я сижу на стебельке, как цветок! — сказал мотылек. — Не особенно-то это сладко! Ну да зато это нечто вроде женитьбы: тоже сидишь крепко.

И он утешался этим.

— Плохое утешение! — сказали комнатные цветы.

«Ну, комнатным цветам не очень-то верь! — думал мотылек. — Они уж чересчур близко знают с людьми».

Как найти нужного доктора

Однажды заболел сын визиря. Дело было в Бухаре. Все известные врачи только разводили руками, говоря:

— Ваш сын тает на глазах, но мы не можем понять причины.

Сам больной не желал говорить ни слова. Как его ни уговаривали, он молчал, лежал на кровати, не ел и не пил.

Пригласили ибн-Сину. Мастер сразу определил, что причина болезни в том, что молодой человек влюблен. Визирь разволновался. Но как узнать, кто эта девушка? Он начал умолять ибн-Сину придумать что-нибудь. Мастер велел привести в дом человека, который хорошо знает улицы Бухары. Когда его привели, ибн-Сина вошел с ним к больному и велел перечислять названия всех улиц. Сам Мастер в это время держал руку на пульсе больного.

Когда была названа улица, на которой жила девушка, сердце влюбленного сильно забилося. Оставалось узнать только ее имя. Тогда стали перечислять все имена девушек, живущих на этой улице, и пульс влюбленного выдал заветное имя.

Найти девушку не составляло особого труда. Ее пригласили в дом. Она принялась ухаживать за больным, и тот быстро поправился.

Отвергнутый тайванец

Жил-был юный тайванец, отчаянно жаждавший руки одной девушки. В течение четырех лет он писал ей письма, по письму в день, где изливал свои любовные чувства.

Если бы молодой человек не предпринимал подобных усилий, юная леди вряд ли вышла бы замуж за того, за кого она в конце концов вышла — то был почтальон, приносивший ей все эти письма.

Любовь

Не копите вашу любовь и не считайте ее. Не будьте скупым. Вы всё потеряете. Наоборот, позвольте вашей любви цвести, делитесь ею, раздавайте её, пусть она растет.

У великого короля было три сына, и он хотел выбрать одного — наследника. Это было очень трудно, потому что все три были очень разумными, очень храбрыми. И они были все одного возраста, так что невозможно было решить. Он посоветовался с великим мудрецом, и тот дал ему идею.

Король вернулся домой и попросил всех трёх сыновей прийти. Он дал каждому сумку цветочных семян и сказал им, что должен совершить паломничество:

— Оно займет несколько лет — один, два, три, может больше. И это испытание для вас. Эти семена вы вернёте мне, когда я вернусь. И тот, кто лучше сохранит их, тот станет моим наследником.

И король отправился в паломничество.

Первый сын подумал: «Что мне делать с семенами? Он стал держать их в железном сейфе — когда отец вернется, они будут такими, как были.

Второй сын подумал: «Если я буду хранить их так, как это делает мой брат, они умрут. А мертвые семена вообще не семена». Он пошёл в магазин, продал их и получил деньги. И при этом подумал: «Когда придет мой отец, я пойду в магазин и куплю новых семян, я дам их отцу лучшими, чем они были».

А третий сын пошел в сад и высыпал семена, где только было свободное место.

Через три года, когда отец вернулся, первый сын открыл свой сейф. Семена умерли и завоняли. Отец сказал: «Что это? Разве эти семена я дал тебе? Они должны быть способны расцвести цветами и дать прекрасный аромат — а эти семена воняют! Это не мои семена!».

Сын возразил, что это те же самые семена, но отец сказал: «Ты — материалист».

Второй сын бросился в магазин, купил семян, вернулся домой и преподнес их отцу.

Но отец сказал: «Но они не те же самые. Твоя мысль лучше, но все же это не то качество, которое я хотел бы видеть в тебе. Ты — психолог».

Он пошел к третьему сыну в большой надежде и страхе одновременно: «Что он сделал?».

А третий сын повел отца в сад, где цвели миллионы цветов вокруг. И сын сказал: «Это те семена, что ты дал мне. Как только они созреют, я соберу их и верну тебе». Отец сказал: «Ты — мой наследник. Вот так и нужно поступать с семенами!».

Запасающий ум не понимает жизнь, подсчитывающий ум также потеряет ее. Только творящий ум может понять ее. В этом красота цветов — они не могут быть запасены. Они олицетворяют Бога — Бога нельзя накопить. Они символизируют любовь — а любовь нельзя сохранить.

Это не случайно, что цветы являются символом любви, во все века, во всех странах, в любых обществах. Любовь подобна цветам — если она зацвела в тебе — тебе нужно делиться ею, отдавать ее. И чем больше ты ее отдаешь, тем больше она растет в тебе. Если ты продолжаешь отдавать, придет день, когда ты станешь неизменным, бесконечным источником любви.

Красная роза

Один американский моряк получал письма от женщины, которую он никогда не видел. Ее звали Роза. Они переписывались три года. Читая её письма и отвечая ей, он понял, что уже

не может жить без ее писем. Они полюбили друг друга, сами не осознавая того. Когда закончилась его служба, они назначили встречу на Центральном вокзале, в пять часов вечера. Она написала, что в петлице у нее будет красная роза. Моряк задумался: он никогда не видел фотографию Розы. Он не знает, сколько ей лет, не знает, уродливая она или хорошенькая, полная или стройная.

Он пришел на вокзал, и, когда часы пробили пять, она появилась. Женщина с красной розой в петлице. Ей было около шестидесяти. Моряк мог повернуться и уйти, но он не сделал этого. Эта женщина писала ему все то время, пока он был в море, посылала подарки на Рождество, поддерживала его. Она не заслужила такого. И он подошел к ней, протянул руку и представился. А женщина сказала моряку, что он ошибся. Что Роза стоит за его спиной. Он обернулся и увидел ее. Она была одних с ним лет, прекрасная. Пожилая дама объяснила ему, что Роза попросила ее продеть цветок в петлицу. Если бы моряк повернулся и ушел, все было бы кончено. Но если бы он подошел к этой пожилой даме, она показала бы ему настоящую Розу и рассказала всю правду.

Остров духовных ценностей

Когда-то давным-давно на Земле был остров, на котором жили все духовные ценности. Но однажды они заметили, как остров начал уходить под воду. Все ценности сели на свои корабли и уплыли. На острове осталась лишь Любовь. Она ждала до последнего, но, когда ждать уже стало нечего, она тоже захотела уплыть с острова. Тогда она позвала Богатство и попросилась к нему на корабль, но Богатство ответило: «На моем корабле много драгоценностей и золота, для тебя здесь нет места». Когда мимо проплывал корабль Грусти, она попросилась к ней, но та ей ответила: «Извини, Любовь, я настолько грустная, что мне надо всегда оставаться в одиночестве». Тогда Любовь увидела корабль Гордости и попросила о помощи ее, но та сказала, что Любовь нарушит гармонию на ее корабле. Рядом проплывала Радость, но та так была занята весельем, что даже не услышала о призывах Любви. Тогда Любовь совсем отчаялась.

Но вдруг она услышала голос где-то позади: «Пойдем, Любовь, я возьму тебя с собой». Любовь обернулась и увидела старца. Он довез ее до суши, и, когда старец уплыл, Любовь спохватилась, ведь она забыла спросить его имя. Тогда она обратилась к Познанию:

— Скажи, Познание, кто спас меня? Кто был этот старец?

Познание посмотрело на Любовь:

— Это было Время.

— Время? — переспросила Любовь. — Но почему оно спасло меня?

Познание еще раз взглянуло на Любовь, потом вдаль, куда уплыл старец:

— Потому что только Время знает, как важна в жизни Любовь.

Как-то раз созвало Безумие к себе на чай друзей. Все пришли, было весело, пели, плясали, а после торта Безумие предложило сыграть в прятки: «Я считаю до ста, а вы прячетесь.

Первый найденный будет снова считать до ста». Все согласились, кроме Страх и Лени.

— Один, два, три... — начало считать Безумие. Паника спряталась первой, куда попало.

Радость забегала по саду. Грусть заплакала, думая о бренности жизни. Зависть цеплялась за Ликование и спряталась за высокими скалами. А Безумие все считало. Отчаяние отчаивалось, так как Безумие досчитало уже до девяносто девяти.

— Сто! — взвизгнуло Безумие. — Я вас ищущу!

Первым нашли Любопытство, оно выглядывало в надежде увидеть, кого найдут первым.

Висящим на заборе Безумие нашло Сомнение, оно висело на заборе в нерешительности, по какую сторону забора всё же лучше спрятаться.

Всех нашли, и Любопытство вдруг спросило: А где же Любовь?»

Все стали искать. Безумие в поисках забрело далеко-далеко и вдруг оказалось в прекрасном благоухающем розовом саду. В кустах что-то зашуршало. Безумие раздвинуло розовые ветви и услышало вскрик. Это была Любовь, шипы роз прокололи ей глаза. Безумие металось, ломая руки, извинялось, просило на коленях прощения, вплоть до того, что пообещало

Любви оставаться навсегда с ней. Любовь согласилась. И ходят с тех пор слепая Любовь с Безумием вместе.

Выклеванное сердце

Раз вечером во время карнавала влюбленный рыцарь спросил у своей дамы:

— Прекрасная, когда же вы полюбите меня?

— Я полюблю вас тогда, когда вы достанете мне Золотой Цветок, тот, что поет на восходе солнца.

— Прощайте, прекрасная! Ждите меня вечером в день святого Филиппа на пороге вашего дома.

В день святого Филиппа вечером красавица ждала влюбленного рыцаря на пороге своего дома.

— Здравствуйте, прекрасная! Вот я и принес вам Золотой Цветок, тот, что поет на восходе солнца. Скажите же, что вы меня любите.

— Рыцарь, я люблю вас. Но, боже, как вы бледны!

— Дивно ли, что я бледен? Сто черных волков стерегли Золотой Цветок, что поет на восходе солнца. Они так терзали меня, что я потерял половину своей крови. Прекрасная, скажите мне, когда же мы обручимся?

— Рыцарь, мы обручимся, когда вы достанете мне Голубую Птицу, говорящую птицу, которая рассуждает обо всем как человек.

— Прощайте, прекрасная! Ждите меня вечером в день святого Роха на пороге вашего дома.

В день святого Роха красавица ожидала рыцаря на пороге своего дома.

— Здравствуйте, прекрасная! Вот вам Голубая птица, говорящая птица, которая рассуждает обо всем как любой христианин.

— Скажите же мне, когда мы обвенчаемся?

— Рыцарь, мы обвенчаемся, когда вы найдете орлиного царя и принесете его мне пленником в железной клетке. Боже, рыцарь, как вы печальны!

— Печален? Я печален недаром, у меня на то есть причины. Голубая птица, говорящая птица, которая рассуждает обо всем как человек, сказала, что вы не любите меня.

— Голубая птица, ты солгала! За это я тебя сейчас велю ощипать в изжарить живой.

— Прощайте, прекрасная! Ждите меня вечером в день святого Луки на пороге вашего дома.

Вечером в день святого Луки красавица ждала на пороге своего дома.

— Мать, мать, мой рыцарь не вернулся!

— Садись за стол, дочь моя. Твой милый придет во время ужина.

После ужина красавица снова вышла на порог.

— Мать, мать, не идет мой рыцарь!

— Ложись спать, дочь моя. Твой милый вернется завтра утром.

Красавица легла в постель. Но в полночь она тихонько встала и вышла на порог встречать своего рыцаря.

— Здравствуйте, прекрасная! Орлиный царь сильнее меня. Быть может, кто-нибудь другой сумеет принести вам его в железной клетке.

— Рыцарь, что за красная дыра зияет у вас в груди?

— Красавица, здесь было мое сердце. Орлиный царь выклевал его. Мы не будем мужем и женой никогда, никогда.

И рыцарь скрылся в мраке ночи. А красавица на другой день постриглась в монастыре кармелиток и до самой смерти не снимала черного монашеского покрывала.

Русалии Купала

(Зеленые святки)

Про Федюнюшку бабушка часто сказывала, да только мне все равно слушать хотелось. Я и тебе расскажу, ежели тихо сидеть будешь да терпеливо слушать.

Частенько родители детей своих ругали, а то и прутиком гоняли, когда докучала ребятня

своими дразнилками Федюнюшке. Был Федюнюшка деревенским дурачком: всегда улыбался, никогда не обижался, ни с кем не ссорился. Одет он и зимой и летом был всегда одинаково — на плечах лохмотья, а на голове старый колпак.

Иные сердобольные бабы ему старую свою кацавейку или рубаху мужнину дадут, на лохмотья-то его гляючи. Только он эту одежду возьмет, улыбнется, низко поклонится, а надевать не надевает. А ребятня его часто донимала. Он, бывало, по деревне идет со своей старой котомочкой за плечами, а мальчишки его окружают, на одной ножке скачут да дразнят: Федюнюшка-дурачок, Надень новый колпачок, Трижды свистом посвисти. И русалку навести.

А Федюнюшка только смотрит на них да улыбается. Бывало, и совсем его доймут. Начнут за лохмотья дергать, а то и котомочку из рук вырвут да закинут куда. Остановится тогда Федюнюшка, лицо спокойное, а одну-то руку вверх и поднимет, указательным пальцем на небо показывая. И так вся ребятня этого указующего перста боялась, что с визгом разбегалась от Федюнюшки по избам. А там - затрещина от мамки: не донимай убогого! Федюнюшкину-то историю в деревне каждый знал. Непростая она, эта история. Он ведь не всегда дурачком-то был. Жил Федюнюшка со старухой-матерью небогато. Работал, как умел. Жил тихо, скромно. Да и сам он был какой-то тихий: ни на вечерах не плясал, ни с друзьями не играл. Бывало, сядет вечером возле дома на бревна рядом с бабушками и сказки слушает. Или начнет досочки тесать. Кто-нибудь у него и спроси: на что мастеришь? Так он: хочу в лесу муравейничек огородить, мурашкам так спокойнее будет. Ну, право слово, чудной.

И случись такое, что полюбила его одна девка деревенская, смелая да отчаянная. Да и как не полюбить: ростом высок, волосом рус, глаза — ровно небушко, да тихий — спокойный. Жену-то, небось, обижать не станет. И стала эта Аринка везде его встречать. Он в поле — она там, он в лес - она по тропинке следом, он за околицу — она навстречу. Только примечали люди: не любя она ему, тяготится он ее-то вниманием.

А тут это все и случись! Время, слышь, было летнее, июнь да июль месяцы. Их еще по-старому изок да червень называли. Теплынь. И стали люди примечать: каждый вечер, как стемнеет, ходит Федюнюшка на дальнее озеро за деревню. Уж месяц, как на работу ходит.

Как-то парень один деревенский мимо того озера с рыбалки возвращался. Рыба-то, удивительное дело, в одном только дальнем озере испокон и не водилась. Все его стороной и обходили: рыбы в нем нет, а купаться далековато, и ближе и лучше места есть.

Так вот, шел этот парень мимо озера и клянется — видел, как Федюнюшка, на камне у воды сидючи, с русалкою беседовал. Русалка, слышь, в воде плавает, лениво так хвостом колышет, а сама с Федюнюшкой разговоры говорит. Об чем уж они, эти разговоры, парень не слышал, а видеть — видал.

А в ту пору Аринка, девка та бойкая, совсем его, видать, доняла. Не сдержался он однажды да и сказал, что не любя она ему. Услыхала это девка да вгорячах и скажи: — Что, русалка, небось, в невесты метит?!

Побледнел Федюнюшка, заштался даже. Видать, не ожидал он, что секрет его раскроют. Но ничего Аринке не сказал, ее стороной обошел — и своей дорогой. А Аринка — девка настырная, нежелательно ей от такого парня отказываться. Вот и решила она за ним последить да все сама разузнать.

Дождалась она вечера да и пошла следом за Федюнюшкой. А тот к озеру подошел, на воду посмотрел да трижды и свистнул, а потом еще и камушек в воду кинул. Видит девка, появилась из озера русалка. Красивая, чешуйчатая, с длинными льняными волосами, да золотым хвостом, раздвоенным. Ежели бы хвоста не разглядела, могла бы Аринка ее за девчонку принять.

Сел Федюнюшка на камушек и разговаривать с той русалкою начал. А Аринка все слушает да запоминает. Федюнюшка меж тем говорит, а голос нежный, ласковый: — Скоро ль вместе-то будем, голубушка моя? Истосковался я без тебя.

А та ему из воды:

— Федюнюшка, я уж тебе сказывала: три денька осталось. Ежели бы ты ко мне в озеро жить

пошел, все проще бы было. А чтобы мне земною стать, надо дня заветного дожждаться. Русалии-то Купала нам помочь могут. Как сбросим мы в ту ночь хвосты свои — девками станем. Всю ночь петь да хоромы водить будем. Ты в первые-то две ночи не показывайся: заметят тебя русалки — к себе в озеро утащат. А вот на третью ночь, как затанцуются они, ты хвост- то мой хватай да беги домой. Подруги меня за тобою вдогонку пошлют: без хвоста домой вернуться нельзя. А я следом за тобой побегу да к ним и не вернусь боле. Только ты хвост-то мой перед самым рассветом бери, чтобы не успели русалки нас догнать. А с рассветом опять подруги русалками станут, домой вернутся. Вот мы с тобой на земле и останемся.

— Да зачем мне хвост-то твой? Давай и без хвоста убежим!

— Нельзя, Федюнюшка! Ежели хвост не со мной будет, умру я: солнышко меня, ровно пену, высушит, растаю я...

Аринка это слушает да запоминает. А на другой- то вечер опять за Федюнюшкой на озеро пошла, а уж там русалии хоромы да песни. Русалии Купала! Сбросили русалки хвосты свои и давай при лунном свете потешаться: хоромы водить, песни петь, на дудочках да на сопелках играть. Аринка-то ночью на русалок любовалась, а днем чем занималась? Никто не видал.

И на другую ночь девка опять в кустах сидела, игрища русалочьи глядела. А днем что-то опять в сарае мастерила. На третью ночь, когда русалочка бежать-то надумала, все как в первые две ночи было. Опять песни, хоромы, русалии купала. Видит Аринка, подкрался Федюнюшка к русалочьим хвостам, схватил один, приметный, да наутек.

А Аринка дождалась, пока русалки свою подружку пошлют хвост выручать, да и дернула за веревочку. У нее в кустах уж все припасено было: не зря три-то дня сеть плела да на кустах укрепляла. Попалась в сеть та русалочка, забила. А тут — рассвет! Заплакала русалочка да все повторяет:

— Федюнюшка, прости меня, прости, миленький!..

А тут и солнышко взошло. Бросило лучи свои на озеро, на деревья, на траву, обожгло русалочку. И растаяла она, словно и не было. Лишь один веночек на берегу рядом с лужицей воды озерной и остался.

А Федюнюшка так и не дождался любимой своей. Аринка-то очень хотела видеть, как парень убиваться станет. «А я его и пожалею и приласкаю,» — думала. Надеялась все же...

Ан не так вышло. Вернулся Федюнюшка на место то, нашел веночек да лужицу — понял, кто сеть-то натянул. Да как закричит. И так Аринке жутко стало! Выскочила она из кустов, бежать собралась. И видит: лицо у Федюнюшки стало спокойное, доброе, и улыбается. Вот от этой улыбки Аринке не по себе и стало. Бросилась она в деревню, а всю дорогу кричала от страха, будто кто за нею гнался.

А Федюнюшка с тех пор дурачком стал. Русалии-то Купала не всякому во благо видеть.

Аринка в соседнюю деревню замуж вышла. Мужик попался ей под стать: жестокий да бессердечный. Не жила — маялась.

А Федюнюшка, почитай, тоже растаял. Пожар в деревне случился, а в одной-то избе двое малых деток остались. Федюнюшка их-то из огня вынес, а потом, добрая душа, за кошкою вернулся. А тут крыша и обрушилась. Но что удивительно, после пожара Федюнюшку так и не нашли. Даже косточек на пожарище не было. Вот все и говорили: как русалочка его растаяла, так и он сам. Любовь, ежели она сильная, расстаться-то и после смерти не дает. На то она и любовь!

Лесная история

В одном лесу жила-была Любовь. А был тот лес сказочный. И где она ни появлялась, все - цветы, деревья, птицы и звери – все преображались, начинали любить друг друга, расцветать и радоваться жизни.

И вот однажды Любовь сказала: «Почему я должна жить в этом лесу? Есть цивилизованные места, в которых гораздо приятнее жить, чем здесь». И ушла Любовь из сказочного леса, и

пошла искать более удобную жизнь. И пришла она в деревню. И постучала в один из домов.

— Кто там? — спросили из дома.

— Это я, Любовь.

С радостью впустили Любовь в дом, накормили и выделили ей самый удобный угол.

Наслаждается Любовь в этом ломе и думает: «Как меня обхаживают! Не то, что в лесу — приходилось самой заботиться о своем существовании».

Но через несколько дней выгнали Любовь из дома и сказали, что она самозванка. Идет Любовь по свету и удивляется: «Раньше везде, где ни появлялась я, все преображалось, цвело и радовалось, а теперь так не происходит. Видимо, дом какой-то не такой».

И вот зашла Любовь в город, увидела высотный дом, постучалась в одну квартиру.

— Кто там? — спросили из квартиры.

— Это я, Любовь.

Сразу впустили Любовь в дом, обняли, расцеловали, накормили и определили ее в самую удобную комнату. Наслаждается Любовь и думает: «Ничего, что в деревне не получилось, в городе гораздо удобнее жить».

Но через несколько дней Любовь опять выгнали и сказали, что она самозванка. Идет Любовь и плачет. Увидела парк, зашла туда и села на лавочку. Вдруг видит идет ей навстречу непонятное существо, некрасивое и корявое.

— Ты кто? Спросила Любовь.

— Ох, — вздохнуло существо, — раньше была я прекрасной Любовью! Жила я на берегу сказочной реки, вокруг которой было сказочное поле. Но однажды решила я пойти искать более удобную и выгодную жизнь. И как только я подумала об этом, все цветы на сказочном поле завяли, а река поросла тиной. Когда я стала проходить через мост, то увидела свое отражение в воде, и это отражение было некрасивым и корявым, не таким, какое было у меня раньше. И теперь я даже не знаю, как я называюсь, знаю только, что не Любовь.

Тогда Любовь из сказочного леса побежала к фонтану и заглянула в воду, посмотрев на свое отражение. И это было отражение точно таким же некрасивым и корявым, как у встреченного существа. Тогда она подбежала к существу и спросила с волнением:

— А как же сказочное поле и сказочная река?

— О! Они перестали быть сказочными, они стали серыми и мрачными. Поле не цветет, а река не очищается.

— Так что же делать? Наверно, и мой сказочный лес увял, превратился в серый и мрачный?!

— Ах, — ответило существо, которое было Нелюбовь с поля, — если бы я сама знала...

Вдруг они заметили, что по тропинке недалеко от них проходит Мудрость.

— Мудрость, Мудрость, — закричала Нелюбовь из леса, подбегая, — Скажи мне, что делать? — и рассказала ей всю свою историю.

Тогда Мудрость ответила:

— Ты должна найти себя.

— Как это? — спросила Нелюбовь из леса, — я — это я, чего мне себя искать?

— Если тебя устраивает то, какая ты сейчас есть, то можешь не искать, — ответила

Мудрость и исчезла.

Нелюбовь вспомнила, какая она некрасивая, и решила, что найти себя все же она хочет, хотя и не знает как. Стала ходить тогда Нелюбовь по разным местам: деревням, городам и селам, лесам и полям. И везде, где, ни появлялась, спрашивала:

— Не видели ли вы здесь, случайно, меня?

— Да тебя у нас здесь очень много, — отвечали ей, — и там нелюбовь, и там.

Долго ходила так Нелюбовь. Очень утомительно было это путешествие, потому что везде слышала она одно и то же.

Вдруг однажды она снова увидела, как по дорожке шла Мудрость. Подбежала к ней Нелюбовь и снова спросила:

— Что мне делать?

— Зачем ты ходишь по свету? — задала вопрос Мудрость.

— Чтобы снова стать красивой, — ответила Нелюбовь.

— Ты снова ищешь выгоду, — ответила Мудрость.

— Что же мне делать? — чуть не расплакалась Нелюбовь.

— Забудь про себя.

— Как же я буду искать себя, если забуду про себя?! — воскликнула Нелюбовь.

— Хочешь остаться такой, какая ты сейчас, не забывай себя, — ответила Мудрость и исчезала.

И тут вдруг Нелюбовь поняла, что, ища для себя красоты, она ищет выгоду, а именно поиск выгоды и удобств сделал её Нелюбовью. И неожиданно она вспомнила о своём родном лесе. «Как я соскучилась! — подумала она, — Ах, как мы давно не виделись! Я вернусь в него и снова буду там жить!»

Вдруг закрипела старая дряхлая коряга недалеко от неё, и на белый свет вылезло Сомнение, которое также проскрипело своим голосом:

— Да как же ты вернёшься в лес, такая некрасивая и корявая?

— Ну и что? — ответила Нелюбовь. — Если лес захочет принять меня такой, какая я есть, то буду жить в нём такая.

И пошла Нелюбовь, и нашла свой лес, и вошла в него. Но лес не узнал её, ведь была она непонятным, некрасивым и корявым существом. Стала Нелюбовь жить в этом лесу в пустой норке. Жила себе тихонько, никуда не выходила. И вот однажды она услышала грустную песню птицы, в которой та пела, что нет любви в её лесу, что он стал серым и мрачным. И так Нелюбви стало жалко лес! Так что-то сжалось внутри неё, что она даже расплакалась. И так ей захотелось что-то сделать для него, чтобы порадовать и поддержать его, чтобы хоть что-то дать, что ещё осталось от неё прежней. И вспомнила она, что раньше, когда этот лес был ещё сказочным, она ходила и пела для него песни, она здоровалась с каждым деревцем, цветочком, птичкой и зверьком, она улыбалась всем им и творила добро для всех и везде. Вышла тогда Нелюбовь из своей норки и закричала птичке, которая пела грустную песню:

— Птичка, здравствуй, позволь теперь я спою тебе свою песню.

И она стала петь о том, как прекрасен мир, о том, как много на свете добра и счастья, о том, что радость все-таки есть, а любовь, если её и нет пока, то она обязательно придет. И когда она пела свою красивую замечательную песню, вокруг стали распускаться цветы и расцветать деревья, птицы и звери слетелись и сбежались, чтобы послушать эту прекрасную песню, а потом понесли в разные концы леса счастливую весть о том, что к ним в лес снова вернулась Любовь.

Приложение 1. ЛЕГЕНДЫ К ИГРЕ:

Для Дня Почты

Оранжевая сказка

Стояла чудесная пора Осени. Все было дивно красивым, даже казалось, будто люди ходят по янтарной комнате. И после этого люди все равно утверждают, что никогда не видели ее. Странные они все-таки — люди. Вечерами дул легкий Ветерок, и было приятно подставлять ему навстречу лицо. А ближе к ночи на небо всходила Луна — ах, что это была за Луна! Казалось, что ее лицо было вымазано в меду — наверное, это была маска, которую взрослые накладывают себе на лицо, чтобы быть красивыми. Но зачем это Луне, она и так красавица. А, знаю, наверное, она хотела, чтобы на нее было вкусно смотреть. Медовая луна — разве вам не вкусно было бы на нее смотреть?

Вот в один из таких осенних дней, точнее, в выходной, а еще точнее, в субботу — я проснулась по привычке в шесть часов. Все домашние еще спали. Очень хотелось пить. Я сходила на кухню, приготовила себе стакан апельсинового сока и вернулась в свою спальню. Сначала я очень хотела нырнуть под одеяло, в еще теплую постельку, но тут в голову прокралась одна мысль: сесть на подоконник и понаблюдать в окно. Ох уж эти мысли! Они всегда подкрадываются неслышно и никогда не знаешь, откуда они появились, — не замечали?

Стало забавно: я очень люблю смотреть в окно, но раньше я никогда не делала этого утром — только вечером, до сумерек. В окно можно увидеть много интересного: если пристально смотреть, то оживают деревья, лужи, облака, цветы, трава — вся неживая природа.

Оказывается, она тоже умеет смеяться, плакать, даже разговаривать — и почему взрослые называют ее неживой, неужели только потому, что не понимают, о чем шепчутся деревья с ветром и почему небо хмурится? Да ни одному ребенку не пришло бы в голову назвать природу неживой... Но все это видно вечером — мне стало интересно: а утром видно?

Я поудобнее устроилась на подоконнике со стаканом апельсинового сока и во все глаза уставилась в утреннее окно...

Рыжие листочки лежали на земле и плакали... но так мне показалось: на лице у листочков были алмазные капельки, а дождя накануне не было...

Я стянула с кровати одеяло, закуталась в него поплотнее с головой, так, что свободными были только лицо и одна рука, и открыла одну половинку окна, чтобы получше рассмотреть, что же творится с листочками...

Я не ошиблась — они плакали. Ветерок изо всех сил пытался высушить их слезки, но у него ничего не получалось — он совсем выбился из сил. И тогда Ветерок стал подхватывать листочки и класть их на колени Осени — этой доброй фее, слава о которой сейчас гремела по всей Земле. Какая она красивая! Янтарные волосы Осени были убраны в замысловатую прическу и закреплены роскошной диадемой из червонного золота. Да, о такой прическе мечтает каждая девчонка. А из-под янтарного цвета ресниц блестели серые глаза — они были такими добрыми, что их ничего не стоило расстроить. Золотое платье Осени, украшенное янтарными листьями, ниспадало складками до самой земли. И она, время от времени, приподнимала юбку, чтобы не намочить ее в лужице. Осень была божественна! Сейчас она сидела на качелях, увитых плющом, в моем дворе и мягкой рукой вытирала слезы с заплаканного лица одного из листочков, который никак не мог успокоиться.

— Почему он плачет? — осторожно спросила я.

Осень посмотрела в мою сторону и, грустно улыбнувшись, вытерла слезинки с лица рыжего листика, который, услышав мой голос, то ли от страха, то ли от удивления перестал плакать и смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

— Он плачет от обиды, — прошелестел голос Осени.

— Но на кого он обиделся?

— На людей.

— На людей? Да что они могли ему сделать?

— Они выгнали его из своего дома, а ведь этот листочек прилетел к ним, чтобы исполнить желание сердца. Он так хотел этого!

— Желание сердца? Как это?

И Осень поведала мне забытую людьми тайну. Вот она.

Было время, когда люди умели писать настоящие письма. Настоящие, потому что они были написаны не разумом, не рукой — сердцем! И как вы думаете, на чем люди писали эти письма? Да, на листьях, осенних листьях. А как листочки к этому готовились! Весной, когда листочки появлялись на свет, дерево заботилось о них, вскармливая их своим чудесным соком. Летом, под ярким солнцем, листочки мужали, крепились — становились настоящими красавцами. А когда Осень сменяла Лето — деревья уже готовы были отпустить своих повзрослевших детей. Листочки с нетерпением ждали этого момента. Осень умывала листья золотым дождем: когда листочек становился багрово-золотистого цвета — он был готов отправиться к людям. Рыжие, золотые, красные листья срывались с материнского дерева и, поцеловав свою маму, отправлялись в дорогу, прицепившись к полам одеяния Ветра или запутавшись у него в волосах. Но Ветер на них совсем не сердился. Вам, наверное, интересно, почему листья разного цвета, — так ведь и желания у людей разные.

Когда листочек находил дом человека, чье сердце готово было написать свое желание, Ветер помогал листочку влететь в окно такого дома. Люди радовались, если к ним в гости залетали листья Осени, — это было как благословение Природы. Листочек влетал в окно и ложился в раскрытую ладонь человека, а человек прижимал ладонь с листочком к сердцу. Когда листочек запоминал желание сердца, человек целовал листочек и протягивал его на ладони Ветру. Листочек цеплялся за Ветер и спешил выполнять желание сердца, которое ему доверили.

Листья так часто садились на ладони людей, что со временем сами стали похожи на ладошку. Так же как и у человека на ладони, у листьев есть линия судьбы. И если линия судьбы листочка совпадала с линией сердца человека — значит, этот лист был создан для сердечного желания этого человека. Так просто!

Шло время, люди отделялись от Природы. Они стали писать письма на бумаге и совсем не сердцем. Теперь письма писались рукой, а рукой управлял разум. Людям стали не нужны листья, дети деревьев. Единственным напоминанием о том, что когда-то они писали письма на листочках, было то, что теперь человек называл бумагу, на которой писал письма, — листочками, но он уже не помнил, откуда такое название...

— Какая грустная история, — вырвалось у меня, — очень жаль, что люди так изменились. Неужели теперь люди совсем не знают, как писать настоящие письма?

— Почему же не знают, — прошелестела Осень, — любой ребенок знает, как писать настоящие письма. Каждый малыш не раз отправлял листочки со своими желаниями в путешествие: по Ветру — как птиц или по Воде — как кораблики. Жаль, что когда малыш вырастал, он забывал об этом. Наверное, так удобнее жить... Правда, на свете есть люди, которые, прожив долгую жизнь, в душе остаются детьми.

Так вот они помнят, для чего нужны багряно-золотистые листочки. Но их немного. Для остальных людей — это одна из тайн детства, может, взрослые не всегда понимают детей именно потому, что совсем не помнят тайн своего детства...

Начался дождь, как и обещало радио. Простившись, Осень отправилась по своим осенним делам. А я ещё долго смотрела, как раскачиваются пустые качели, и думала о том, что сегодня папа обещал помочь запускать воздушных змеев мне и брату, а теперь всё придется отложить.

Мы ведь с братом нарисовали «карту сокровищ», разделили ее на две половинки (треугольники) и приклеили на двух разных змеев; и только имея двух змеев, можно было узнать точное местоположение банки с сокровищами (банка была набита человечками, сплетенными из цветной проволоки, — как учил дедушка).

Да, надо сказать, что, когда пора было уходить домой, я и брат всегда отпускали на свободу

своих воздушных змеев (обрезали веревки).

«Карту сокровищ» мы сделали в первый раз: раньше это были либо столбик стихов, разрезанный по вертикали, либо разрезанные картинки. Мы целую неделю готовили своих змеев к полету — и они получились лучше, чем предыдущие.

Мне стало так грустно, и вдруг... я услышала, что мама зовет меня завтракать. Господи, я просидела на подоконнике почти четыре часа, все уже встали и, наверное, считают меня соней.

Я соскочила с подоконника и уже хотела закрыть окно, как вдруг влетел рыжий кленовый листочек и нерешительно присел на край подоконника... Я положила листочек на ладонь. Это был тот самый рыжий листик, который безутешно плакал на руках у Осени, — только теперь он улыбался, лежа на моей ладошке. Самое интересное, что размером он был точь-в-точь с мою ладонь.

«Какой он красивый», — подумала я и прижала листочек к сердцу. Он узнал желание моего сердца (оно было простым, но искренним) и шевельнулся. Я опять усадила гостя на свою ладонь и вытянула руку

— Счастливого пути, Рыжик!

— С кем это ты разговариваешь? — спросила мама. Она пришла звать меня к столу, потому, наверное, что я долго не шла.

— С кленовым листочком, — ответила я.

А Рыжик подмигнул мне на прощанье и, вцепившись в волосы Ветра, вылетел в окно.

— Вот как раз сейчас он полетел исполнять мое желание, — подумала я и, вспомнив, что забыла поцеловать листочек, быстро послала ему вдогонку воздушный поцелуй.

Мама улыбнулась и провела теплой рукой по моим волосам. Мы вместе пошли завтракать...

А после завтрака дождь кончился, и уже через полчаса папа, я и мой брат запускали воздушных змеев.

Вечером, когда мама позвала нас домой ужинать, мы обрезали веревки, и наши змеи взмыли в небо, помахав на прощание хвостами...

А через четыре дня наш клад нашли (мы с братом проверяли). Мы радовались, по-моему, больше, чем те, кто нашел «сокровища» по нашей карте...

И вот прошло уже больше пятнадцати лет, когда за месяц до моего дня рождения в окно влетел рыжий кленовый листочек и напомнил мне тайну детства...

На прощанье хочу сказать тем, кто меня услышит: «Если вдруг в ваше окно залетит осенний лист — не спешите выгонять неожиданного гостя (его так легко обидеть!); ведь он прилетел именно к вам — доверьте листочку желание своего сердца, и оно обязательно исполнится!»

Для игры «Гномики и великаны (Мой тайный друг)»

Ангел

Однажды одной ангельской семье пришло время получить своих подопечных. Отец-ангел созвал своих семерых детей и стал распределять между ними новорожденных. Но вот только самому младшему ангелочку подопечного не досталось.

«Ну что ж, — сказал отец-ангел, — ничего страшного, подрасти ещё немного, и придёт время, когда и ты станешь хранителем».

Поначалу маленький ангел совсем не расстроился. У него были свои детские заботы, и до других ему не было особого дела. Да и братья с сестрой, получив свои обязанности, стали исчезать не так уж и часто, да и ненадолго, ведь подопечные их были ещё слишком малы, и ангелов им большую часть жизни заменяли мамы.

Но шли годы, и братья стали отлучаться всё чаще и чаще, а возвращаться домой к ночи. Их разговоры о своих подопечных становились всё интереснее, живее. Да и маленький ангел подрос (хотя многие по привычке называли его малышом), и детские шалости его больше не интересовали. И, слушая разговоры старших, целыми днями пропадавших на

Земле, маленькому ангелу становилось грустно, и он чувствовал себя страшно одиноким. Сидя, бывало, на облачке, он часто наблюдал одну и ту же картину: мимо то и дело пролетают озабоченные знакомые и незнакомые ангелы, делятся своими тревогами, советуются. И страшная тоска наваливалась на малыша. Своё одиночество, свою ненужность он переживал как какую-то страшную, тёмную пустоту в своём сердце. Сколько бы он ни придумывал себе проблем, как бы ни раздувал их, все они с невероятной лёгкостью проваливались в эту пустоту и перед её мощью оказывались маленькими и никчёмными. И всё, что малыш мог, — горько плакать.

Малыш часто стал забираться на какое-нибудь облачко, поближе к Земле и наблюдать за суесящимися ангелами. И вот однажды маленький ангел почувствовал, как позади него что-то тяжело плюхнулось в облако. Он обернулся и увидел свою старшую сестру. Вид у неё был страшно уставший и озабоченный одновременно.

— Как дела? — автоматически поинтересовался малыш и был страшно удивлён, когда в ответ услышал целый монолог.

— Я бездарный ангел! Я ничего не умею! Я совершенно не справляюсь, — тараторила сестра.

— Он невыносим, неуправляем, ни на что не годен, бандит, да и только! Я устала, устала, устала!

— Тогда тебе нужно просто отдохнуть и подумать, как быть дальше, — с ангельским спокойствием ответил малыш, поняв, что сестра говорит о своём подопечном.

— Да? А он за это время влипнет в какую-нибудь историю!

— Если хочешь, я могу за ним присмотреть!

— Ты?

— Да, я.

— Но ты же ещё не хранитель!

— Как хочешь. Я только предложил.

Сестра призадумалась. Она понимала, что это нарушение правил. Но ведь случай был исключительный, не каждому ребёнку удавалось довести ангела до переутомления.

— Хорошо, — решила сестра, — но обещай, что как только что-то пойдёт не так, ты сразу же позовёшь меня.

— Обещаю! — не задумываясь, ответил малыш.

— Тогда вперёд.

Сестра неожиданно ухватила малыша за руку и резко потянула вниз так, что малыш захлебнулся потоком воздуха, а через секунду уже был на земле. Он страшно испугался, когда оказался среди людей и их твёрдых каменных плит, которые они называют домами.

— Тебе — сюда.

Маленький ангел почувствовал толчок в спину, который заставил его приземлиться на чьё-то плечо. Он огляделся и увидел, что оказался на плече шестилетнего карапуза, который, раскрасневшись от натуги, старательно что-то разбирал. Всё было очень спокойно, так что малыш болтал ножками и осматривался. И вдруг страшный грохот и треск оглушили ангела. «Ложись!» — изо всех сил завопил он больше для себя, нежели для карапуза, но тот, повинаясь команде, отбросил дребезжащую вещь и упал на пол. Когда всё закончилось, ангел открыл глаза и, созерцая вид изуродованного будильника, натянул нимб поглубже на голову и произнёс: «Ну что ж, переходим на военное положение».

События не заставили себя долго ждать. Маленькому ангелу пришлось несладко: карапуза приходилось оттащить за вихры от хвостов верещащих кошек; давать команды со скоростью света, чтобы тот успел увернуться от мчащейся машины; читать много - часовые лекции о правилах хорошего тона; кричать петухом, чтобы расшевелить сладко дремлющего лентяя; топить ложки в банке с вишнёвым вареньем, чтобы отвадить от него маленького сладкоежку.

Но за пару дней маленький ангел настолько освоился с привычками и пристрастиями своего сорванца, что по одному лукавому взгляду знал о его намерениях и мог вовремя их

предупредить. Поначалу это было утомительно, но скоро приобрело вид игры «на звание самого хитрого», а ещё спустя какое-то время маленький ангел точно знал, чем надо заняться карапузу на досуге, чтобы тот ещё чего-нибудь не натворил.

Через пару дней отдохнувшая сестра сменила малыша, и, довольный собой, он вернулся домой. Но вскоре малыш снова загрустил. Делать было нечего, и ему всё время как будто чего-то не хватало. Он снова уселся на облако поближе к Земле, и, отыскав знакомые вихры, стал наблюдать за их обладателем. Какими милыми казались его забавы с облака!

Вечером, за ужином, маленький ангел внимательно прислушивался к разговорам родных, особенно к словам сестры. Несмотря на увещевания отца, она всё так же ругала своего подопечного. Малыш не выдержал:

— Как ты можешь! Он вовсе не такой плохой! Да, он любопытный и непоседливый, но зато с ним никогда не бывает скучно, и можно только позавидовать его энергии и жизнерадостности!

Отец-ангел внимательно посмотрел на смутившегося от собственной горячности малыша и задумчиво произнёс: — Похоже, я ошибся в выборе хранителя для этого малыша.

— Да уж, — съехидничал ангелочек, — я бы тоже не слушался, если бы моим хранителем была девчонка!

— Всё гораздо проще, — усмехнулся отец, — просто это твой человек, в котором ты смог найти самого себя. И никто не управится с ним лучше тебя потому, что никто не верит в него так, как ты.

Нимб малыша ярко вспыхнул.

Маленький ангел аккуратно поправил его и сполз со стула. Быстро долетел он до знакомого облачка, отыскал внизу знакомые вихры и, улыбнувшись, тихо прошептал:

— Спокойной ночи, мой человек!

Приложение 2. Медитативная сказка для засыпания.

«Гномик»

Медленно уходит свет. На темном небе зажигаются звезды. Их много — много. Но только одна так ярко и нежно светит тебе. Ведь у каждого человечка есть своя звезда. Она есть и у тебя.

На ней живет маленький Гномик. Это твой гномик. У него добрые глаза и нежные маленькие ручки. Белая борода, а на голове колпачок. Синий, розовый, желтый... сколько звезд на небе, столько и цветов. На конце колпачка — крохотный серебряный колокольчик. Кофточка подпоясана ремешком и пряжка переливается таинственным лунным светом. А на ногах — башмачки с золотыми бантами.

Ты ложишься спать. Головка касается подушки, и твоя звезда протягивает к тебе свои лучики. Это звездная лесенка, по которой к тебе спешит твой Гномик.

Слышишь? Топ – топ – топ... Это Гномик спешит к тебе по звездной лесенке. И башмачки его несут тебе сон, превращая твою подушку в белое мягкое облако. Оно нежно качает тебя на лучах твоей звезды.

Маленькие ручки Гномика нежно гладят твою головку, глазки, веки. Он любит тебя, всю ночь тихо шепчет тебе на ушко добрые сказки. Тихо, тихо. Только тебе. Ведь это — твой гномик. Он рассказывает тебе, как днем твоя звездочка купается в золотых лучах доброго Солнца. Какие волшебные цветы растут в его звездном саду, сколько солнечных зайчиков пробегают по их лепесткам. Какие сказочные песни поют его друзья – птицы. С какой любовью и заботой он смотрит за тобою весь день! И как терпеливо ждет наступления вечера, чтобы спуститься к тебе со звезды, услышать твоё дыхание... И говорить, говорить с тобою...

А утром, когда звездочка спрячется в волшебных нитях солнца, только тихий звон серебряного колокольчика будет тебе говорить: «Я здесь, я жду тебя, я храню тебя, я люблю тебя!»

Приложение 3. Приемы сочинения сказок.

Сказки, сочиняемые нами, не только отражают нашу внутреннюю реальность, проблемы, волнующие нас, но и активизируют бессознательные процессы, способствующие нашему личностному развитию и разрешению затруднений.

Сочинение сказок благотворно влияет на психологическое здоровье: человек становится более уравновешенным, легче справляется с жизненными трудностями, приобретает способность видеть в самой сложной ситуации позитивную сторону.

ПРИЁМЫ, позволяющие начать сочинять сказку:

Первый прием:

а) Придумать 10 слов: существительных нарицательных. Желательно, чтобы изначально не вызывали у вас смысловые ассоциации и были из разных областей жизни.

б) Можно попробовать последовательно связать по смыслу все 10 слов в прямом и обратном порядке («проиграть» различные связи между словами).

в) Теперь сочиняем историю, где использованы все слова и они связаны по смыслу. Их можно преобразовывать любым способом.

Второй прием:

Задумавшись, на какую тему нам было бы интересно поговорить с самим собой или с близким человеком. Если не получается, беремся за любую «штатную» ситуацию. Замечено: как только наша рука начала писать, история приобретает свою собственную жизнь, сюжет и конец выстраиваются сами собой.

Третий прием:

Удобно и расслабленно располагаемся в кресле.

а) Из 10 выбранных слов берем любое, которое «задело за живое». Это либо тема, либо герой вашей сказки.

б) Закройте глаза и попробуйте представить себе картинку, в которой присутствует образ данного слова. Рассмотрите её и напишите на бумаге. Это начало сказки.

в) Представьте, что могло бы нарушить эту картинку (изменить её на 180°). Это — конфликт сказки.

г) Связываем увиденные ситуации. Прочувствуйте ваши эмоции!

Четвертый прием:

а) Поставьте музыку для релаксации. Возьмите лист бумаги и ручку. Начните водить по листу, когда рука захочет остановиться, сделайте это.

б) Посмотрите на рисунок. Запишите ассоциации. Перечитайте список. Если одна из них вызвала большой отклик — это главный герой.

в) Теперь нужно просто позволить руке писать. Не останавливать, не анализировать, не критиковать себя! Когда рука остановится, вся сказка или её часть будет закончена. Перечитайте сказку и дайте ей название. Это послание вашего бессознательного «зашифровано».

Список использованной литературы:

1. Любовь как образ жизни притчи
Ростов-на-Дону Феникс 2006
Серия «Источник мудрости»
2. Французские народные сказки
Воронеж 1993
3. Ганс Христиан Андерсен
Сказки и истории, том второй
Издательство «Художественная литература» 1977
4. Т.Д. Зинкевич – Евстигнеева
Практикум по сказкотерапии
Издательство «Речь» Санкт – Петербург 2005
5. Тренинг по сказкотерапии
Сборник программ по сказкотерапии
под редакцией Т.Д. Зинкевич - Евстигнеевой
Издательство «Речь» Санкт – Петербург 2005
6. Песни «Орленка»
издание третье, переработанное
«Собеседник», Москва 2005
7. В.М.Петров, Г.Н. Гришина, Л.Д. Короткова
Летние праздники, игры и забавы для детей
Москва «ТЦ Сфера» 2001

